

№1
2017

НАУКА КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВО

- ТЕОРИЯ
- ИССЛЕДОВАНИЯ
- ТЕРРОРИЗМ
- ИСТОРИЯ

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
Российский государственный университет нефти и газа
им. И. М. Губкина

Научно-общественный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№1' 2017

Москва ♦ ИСПИ РАН

2017

Редакционный совет

Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев**.

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, действительный член Российской Академии социальных наук **А.А. Бессмертных**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзущев**, академик РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, (*заместитель председателя редакционного совета*), доктор политических наук **П. Кулашик**, доктор социологических наук **А.Г. Каххаров**, доктор экономических наук, профессор **С.Н. Лебедев**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**.

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук, профессор **Л.Н. Алисова**, доктор философских наук, профессор **В.И. Большаков**, действительный член Российской Академии социальных наук **В.Г. Бояринов**, доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, кандидат социологических наук, доцент **И.В. Леусенко**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (*заместитель главного редактора*), доктор экономических наук, профессор **У.Г. Николаева**, доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, член-корреспондент РАН **С.В. Рязанцев**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, доктор социологических наук, профессор **М.Н. Филатова** (*первый заместитель главного редактора*), кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (*ответственный секретарь*), кандидат философских наук **В.В. Суходеев**.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);
- статьи должны быть напечатаны через 1,5 интервала кеглем 14 на одной стороне листа + дискета;
поля: верхнее — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;
- сноски даются постранично (кегель 12);
- рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;
- фотографии (лицо и верхняя часть туловища) желательно присылать черно-белые; при публикации они будут иметь размер 2,5×2,5 см.

К рукописи обязательно прилагаются:

- аннотация на русском и английском языках (резюме) не более 15 строк;
- список ключевых слов;
- пристатейный библиографический список.

Авторы публикаций на соискание ученых степеней предоставляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией.

Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

<i>Замараева Е. И.</i> Социально-философские аспекты евразийской концепции Н. С. Трубецкого	5
<i>Сергеев В. К.</i> Русский язык и культура: роль языка в обеспечении культурной безопасности	17
<i>Харитоновна Е. В.</i> Индивидуально-психологические проявления аномии в переломные периоды в развитии российского общества (20 – е гг. XX века)	26

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Китова Д. А.</i> Психологические особенности отношения современной молодежи к коррупции	38
<i>Рябов В. Б.</i> Психологический анализ дауншифтинга на основе концепции субъективного качества жизни	50
<i>Балабанова Е. С.</i> Социальная активность молодежи как предмет исследований в отечественной социальной психологии	64
<i>Иванов В. Н., Назаров М. М., Кублицкая Е. А.</i> Социальные тренды и межнациональные отношения	77

ТЕРРОРИЗМ

<i>Григорьев Н. Ю., Родюков Э. Б.</i> Социальные последствия современного религиозного терроризма	89
--	----

ИСТОРИЯ

<i>Швабский В. Л.</i> Они спасли сердце России. К 180-летию со дня смерти А. С. Пушкина	100
--	-----

Замараева Е. И.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н.С. ТРУБЕЦКОГО

Замараева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, e-mail: zamaraeva_e@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения социально-философской концепции Н.С. Трубецкого, организатора и идеолога евразийской доктрины. Анализируются этнофилософские, социокультурные и государственно-правовые аспекты данной концепции в свете современных геополитических изменений.

Abstract: The article deals with the basic provisions of the socio-philosophical concept N.S. Trubetskoy, who was the organizer and ideologist of the Eurasian doctrine. Analyzes the ethno-philosophical, socio-cultural and state-legal aspects of this concept in the light of recent geopolitical changes.

Ключевые слова: евразийская концепция; национальная культура, национализм, космополитизм, идеократия.

Keywords: Eurasian concept; national culture, nationalism, cosmopolitanism, ideocracy.

Кардинальные перемены, происходящие в последнее время в мировом сообществе, укрепление позиций России на мировой арене и пересмотр сложившихся социальных структур обращает нас к философскому наследию мыслителей начала XX века, и прежде всего к учению евразийства — одного из наиболее значимых течений русской общественной и социально-философской мысли этого периода.

Евразийское движение уникально по своей природе. Оно возникло в период между двумя мировыми войнами и объединило в основном представителей интеллигенции, молодых образованных людей, большинство из которых были представителями «русского зарубежья». Они называли себя евразийцами, но оставались русскими людьми, стремящимися осознать пути развития русской духовной культуры. Одним из лидеров движения был Н.С. Трубецкой, яркий талант которого во многом определил идеологический курс и цели евразийства.

В круг интересов евразийцев были включены многие социально-философские, государственно-правовые, социокультурные темы, но главным тезисом евразийского движения была идея о том, что Россия — это особый самобытный и самодостаточный мир с точки зрения и истории, и географии, и экономики, и культуры. Термин «Евразия», по представлениям самих евразийцев, должен был указывать на срединное положение нашей страны между Западом и Востоком. Это пространственное положение предопределяет создание на данной территории единого государства.

Впервые о себе движение заявило в 1920 г., когда в Софии вышла книга Трубецкого «Европа и человечество», где он исследует проблемы, связанные с состоянием общества и общественными отношениями и рассматривает специфические социокультурные проблемы. Н.С.Трубецкой развенчивает романо-германские претензии на всемирную значимость европейской культуры, доказывая, что такие понятия, как общечеловеческие ценности, мировая цивилизация, целиком основываются на ценностях и категориях, присущих только европейской культуре и европейскому менталитету. На самом же деле культура романогерманцев не лучше и не хуже других культур, ведь мир интересен тогда, когда существует множество самобытных национальных культур.

Эта работа Трубецкого обосновывает несостоятельность интерпретации любой культуры как культуры общечеловеческой, ложность установок космополитизма, призывает избавиться от иллюзий понятия «общечеловеческая цивилизация», «общечеловеческая культура» и выдвигает идею самоценности каждой культуры как живого и развивающегося явления, ибо подлинная культура всегда уникальна и самобытна.

Н.С.Трубецкой, как и многие евразийцы, много писал о национализме, стремясь очистить это понятие от негативного наслепления и выявить его подлинный смысл. В наше время это слово имеет ярко выраженную отрицательную окраску, потому что многие ставят знак равенства между понятиями шовинист и националист. Хотя только слово «шовинист» несет тот отрицательный заряд, который приписывается слову «националист», — утверждение исключительности своей нации и ее превосходства над другими. Именно поэтому одна из основополагающих работ Трубецкого так и называется «Об истинном и ложном национализме». При пестром многообразии национальных характеров и психических типов «общечеловеческая культура свелась бы к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании потребностей духовных, либо навязала бы всем народам формы

жизни, вытекающие из национального характера какой-нибудь одной этнографической особы. И в том и в другом случае эта «общечеловеческая» культура не отвечала бы требованиям, поставленным всякой подлинной культуре» [5, с.117-118]. Из этого следует, что любой культурный интернационализм не несет в себе ничего положительного, наоборот, содержит разрушительное начало, так как нивелирует уникальную национальную самобытность каждой человеческой личности. Значит ли это, что оправдан национализм? Трубецкой считает, что существуют разные виды национализма, «истинные» и «ложные».

«Истинным, моральным и логически оправданным может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой культуре» [5, с.120]. Но чаще мы встречаемся с таким национализмом, для которого уникальность и неповторимость собственной национальной культуры совершенно неважны. Такие националисты стремятся лишь к тому, чтобы их народ получил государственную независимость, «чтобы он был признан «большими» народами, «великими» державами как полноправный член «семьи государственных народов» и в своем беге во всем походил именно на эти «большие народы» [5, с.121]. Но государственная независимость неоправдана, если она является лишь самоцелью, в жертву которой приносится собственный народ с его уникальной национальной культурой. Обществу навязываются чуждые национальному духу идеи, формы государства и правления, формы экономической, политической и духовной жизни, идеалы морали и нравственности и даже материального быта. Такая политика приводит к полной утрате национального лица, потому что копируются шаблоны чужой жизни. И даже национальный язык перестает быть родным, так как он вынужден подстраиваться под чужую культуру и заимствовать большое количество иноязычных слов и грамматических конструкций. Термин «национальное самоопределение» способен ввести в заблуждение, а на деле ничего «национального» и никакого «самоопределения» в этом нет, и чаще всего такими людьми движут собственные непомерные амбиции, тщеславие и корыстные интересы, которые лишь прикрываются «национальными интересами».

Вопросы национального самоопределения и национально-культурной автономии Н.С.Трубецкой развивает в работе «К украинской проблеме», написанной в 1927 г., которая звучит как никогда актуально именно сейчас, в начале XXI в. в связи с событиями на Украине.

Говоря о создании новой украинской культуры, ученый пишет: «Успешно конкурировать с общерусской культурой в удовлетворении высших духовных запросов новая украинская культура будет не в состоянии. Прежде всего она не будет обладать той богатой культурной традицией, которой обладает общерусская культура, а примыкание к такой традиции и исхождение из нее значительно облегчают работу творцам высших духовных ценностей — даже в том случае, когда дело идет о создании принципиально совершенно новых ценностей» [3, с.372]. Ратовать за создание новой украинской культуры могут, по мысли ученого, только люди предубежденные и фанатичные, либо те, кто преследует корыстные политические цели, либо бездарные, боящиеся конкуренции. «Они сделаются главными адептами и руководителями этой новой культуры и наложат на нее свою печать — печать мелкого провинциального тщеславия, торжествующей посредственности, трафаретности, мракобесия, и, сверх того, дух постоянной подозрительности, вечного страха перед конкуренцией» [3, с.373].

Конечно же, далее пишет Н.С. Трубецкой, эти люди сделают все возможное, чтобы затруднить свободный выбор: «постараются запретить украинцам знание русского литературного языка, чтение русских книг, знакомство с русской культурой. Но и этого окажется недостаточно: придется еще внушить всему населению Украины острую и пламенную ненависть ко всему русскому и постоянно поддерживать эту ненависть всеми средствами школы, печати, литературы, искусства, хотя бы ценой лжи, клеветы, отказа от собственного исторического прошлого и попраiania собственных национальных святынь» [3, с.374]. И такая культура будет орудием «злобно-шовинистической» политики в руках корыстных и недальновидных политиков, будет раздражительной и не станет естественным выражением уникальности украинской национальной личности, это будет «суррогат», «жалкая карикатура» на истинную культуру. «Украинизация превращается в какую-то самоцель и порождает неэкономную и нецелесообразную растрату национальных сил... Но самая правомерность создания особой украинской культуры, не совпадающей с великорусской, уже не подлежит отрицанию...» [3, с.379]. Заметим, что эти слова, написанные в 1927 году, сегодня воспринимаются как пророчество.

Русская культура и государственность рассматривались Н.С.Трубецким не как часть культуры европейской и не как культура азиатская, а как уникальное явление, которое вобрало в себя и опыт Запада, и опыт Востока. Наличие и европейских, и азиатских элементов определяет особое положение России, ее непо-

вторимый облик и судьбу. Об этом писал Н.С.Трубецкой в двух своих работах с красноречивыми названиями: «О туранском элементе в русской культуре» и «Общеславянский элемент в русской культуре».

К «туранским» народам Н.С.Трубецкой относил тюрков, монголов и народы угро-финские. Анализируя особенности их культуры, языка, психики, ученый приходит к выводу, что влияние «туранского» элемента на русскую культуру является ярко выраженным и безусловно положительным: «Туранская психика сообщает нации культурную устойчивость и силу, утверждает культурно-историческую преемственность и создает условия экономии национальных сил, благоприятствующие всякому строительству» [8, с.155].

Говоря же о «славянском» элементе в русской культуре, Н.С.Трубецкой приходит к выводу, что единственный общеславянский элемент — это основывающийся на церковно-славянской литературно-языковой традиции русский литературный язык, что единая славянская культура и славянский характер — это миф. У славянских народов разные культурные традиции, разные психотипы, и единственное, что нас объединяет, — это язык. «Славянство, — пишет Трубецкой, — не есть понятие этнопсихологическое, антропологическое, этнографическое или культурно-историческое, а понятие лингвистическое» [7, с.206].

Важной частью социокультурной концепции Н.С.Трубецкого является тезис, утверждающий, что любая развитая национальная культура состоит из двух частей, которые учёный условно называет «верхи» и «низы», ничуть не умаляя значения каждой части и не придавая этим условным наименованиям никакого оценочного значения. «Низы» удовлетворяют потребности так называемых «народных масс», то есть самые широкие слои общества, и не носят ярко выраженного индивидуального характера, так как создаются в самой народной среде и носят довольно элементарный характер. «Верхи» же отвечают потребностям более образованной и утончённой части общества, а значит, создаются либо этой самой частью общества, либо для неё, следовательно, культурные ценности «верхнего этажа» сложнее для восприятия, носят ярко выраженный индивидуальный характер и отвечают более требовательным вкусам.

Между «верхом» и «низом» всегда существует взаимодействие и взаимопроникновение, так как господствующая часть общества не является чем-то неизменным и застывшим, помимо этого каждая из частей культурного здания, верхи и низы, взаимодействуют с соседними, иноплеменными культурами, расширяясь и обо-

гащаясь от общения с другими культурами. Важно только, чтобы источник этого обогащения для «верхов» и «низов» был одним и органически соответствовал духу национальной культуры. «Если заимствованные ценности не противоречат общему психическому облику данного национального целого и при усвоении органически перерабатываются, то в силу естественного внутреннего взаимодействия между культурными верхами и низами снова устанавливается известная равнодействующая» [2, с.127]. Таким органическим источником заимствования для русской культуры Трубецкой считал культуру Востока и культуру Византии.

Учение о государстве, в разработке которого принимал активное участие Н.С.Трубецкой, является одним из важнейших в евразийской концепции. Россия, по мнению ученого, восприняла свою государственность от империи Чингисхана, в которой строгая иерархическая система власти подчинена главе государства, наделенному неограниченными полномочиями. Учение о государстве Н.С.Трубецкого провозглашало идею сильной власти и сильного государства, представляющего интересы народа и сохраняющего с ним живую связь. Государственная организация человеческого общества, пишет Н.С.Трубецкой в своей работе «О государственном слое и форме правления», предполагает наличие правящего слоя, то есть совокупности людей, определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь. Для характеристики государства важна не форма правления, а принцип отбора правящего слоя. В европейской цивилизации закрепились два основных типа отбора правящего слоя: аристократический (тип политического устройства — монархия) и демократический (тип политического устройства — республика).

В Европе, считает Н.С.Трубецкой, фактически существуют два типа отбора «правлящего слоя»: аристократия и демократия. При аристократическом типе правящий слой отбирается по генеалогическому признаку, по признаку знатности происхождения, и этому строю соответствуют определённые формы социального уклада: хозяйственная автономность и политическое бесправие всех сословий, кроме аристократического, особый тип культуры и политического устройства, чаще всего это монархия, так как «оба эти фактора друг друга поддерживают и дополняют».

Демократия предполагает другой тип отбора правящего слоя. Формально основным признаком отбора является способность отражать общественное мнение и получение общественного доверия, но фактически правящий слой состоит из профессионалов,

которые способны внушать такое доверие и определённые мысли под видом мнения самих граждан; такими людьми чаще всего являются активные члены различных партий, журналисты, профессиональные ораторы, депутаты. Участие народа в выборах правящего слоя чисто формальное, при существующей в европейских странах многопартийности рядовому избирателю, который допускается к выборам раз в несколько лет, конечно же, нелегко понять, какая из многочисленных партий действительно выражает его интересы, если выражает вообще. Многочисленные партии и программы появляются в бесчисленном множестве и определяются бытием — индивидуалистическим эгоизмом европейского сознания, а иногда и мелким тщеславием. Поэтому говорить о реальном участии народных масс в выборах и в принятии каких-либо решений не приходится, а значит, говорить о подлинно народном государстве тоже нельзя.

Формой правления при демократии чаще всего является республика. Демократический строй, отмечает Н.С.Трубецкой, обычно соединяющийся с плутократическим, предполагает не только особый экономический строй и целый ряд специфических политических институтов, но также и известные особенности культуры. Характерным для этого строя является государственный минимализм, т.е. невмешательство государства в большинство отраслей культуры и быта, откуда кажущаяся независимость и автономность этих отраслей.

В современных европейских странах, пишет Трубецкой, господствует демократический строй, для которого естественной формой правления является республика. Монархии, если и остались, то лишь как «пережиток прошлого», и они не имеют ни власти, ни престижа. Демократии, которые пришли на смену монархиям, тоже проявляют признаки разложения в виде «кризиса парламентаризма» и «кризиса демократии». Евразийцы, поддерживая Трубецкого, считали и монархию, и демократию непригодными для будущего России. Монархию — из-за исторической обречённости и утраты связей с народом, а демократию — из-за безыдейности, мнимой народности и исторической чужеродности.

Таким образом, заключает Н.С.Трубецкой, наша эпоха — это эпоха создания нового типа государства с иным политическим, экономическим, социальным, культурным и бытовым укладом и новым типом отбора правящего слоя. Это государство должно быть сильным, так как сильное государство — показатель его собранности, его жизнедеятельности, чему не способствует парламентаризм, многопартийность, разделение властей.

Новая эпоха требует создания нового государства с новым типом отбора правящего слоя. Этот новый тип ученый называет идеократией, подчеркивая тем самым главенство идеи. При идеократическом строе остатки индивидуализма должны будут исчезнуть, и человек будет осознавать себя, свой класс и свой народ как часть целого, объединенного в государство. Н.С.Трубецкой, как и многие евразийцы, считал, что идеократия придет на смену демократии европейских стран.

Идеократия, как наиболее органичный для России государственный строй, сочетает в себе лучшие свойства монархии, т.е. власть и силу, которые не перерождаются в тоталитаризм, и демократии — реальное участие народных масс в государственном строительстве. При идеократии правящий слой отбирается по признаку преданности основной идее государства — «идеи-правительницы». Главным признаком отбора правящего строя является общность мировоззрения и готовность принести себя в жертву «идее-правительнице». Государство нормально функционирует, когда правящий слой находится на службе у «идее-правительнице». Если же служба является самоцелью, неизбежны бюрократизм и коррупция, возникает конфликт между правящим слоем и отбором, возрастает закрытость этого слоя и усиливаются групповые интересы. Идеократия — это очень сильная и близко стоящая к народу власть, которая соединяет в себе независимость народных масс и руководящее начало. То есть народ идейно и культурно вдохновляется и направляется инициативной частью, выражающей его волю. Политическую волю правящего слоя сверху направляют идеи и ценности религиозно-нравственного и патриотического свойства, а снизу контролирует народ, который законодательно представлен в органах управления. Идеократия не подавляет личность, а наоборот, способствует тому, чтобы выявить наиболее ярких и одаренных людей, для которых государственные и экономические идеи не являются самоцелью, а служат главной идее, подчинены духовным и патриотическим началам.

Обосновывая государственно-правовую концепцию евразийцев, Н.С.Трубецкой писал: «Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу (носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию правящий слой) и в силу этого непременно должно само активно организовывать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов — прежде всего частного капита-

ла — в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим» [4, с.438].

Новому государству необходима новая идеология, «идея-правительница», которая будет связана с конкретной жизнью тесной органической связью. «Идея-правительница» должна быть такова, что ей стоит служить и ради нее стоит жертвовать собой, она становится сущностью власти, ее структурирующим моментом, ей же принадлежит роль архетипа данной культуры, который определяет ее, соединяя этнические, географические, исторические и психологические компоненты.

Простого провозглашения новой идеологии недостаточно, ей необходима как ее носительница новая партия, одушевленная и сплоченная, которая должна стать основной и направляющей силой нового правящего строя. Это государственно-идеологический союз, который раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом. Новая партия находится в тесной связи с правящим слоем, вырастает из него и сливается с ним. Задача ее определяется не функцией управления, а функцией идеологии. По форме и структуре эта организация напоминает другие политические партии, но идеология здесь принципиально иная — сознательно религиозная и православная, не отвлеченно интернациональная, а русско-евразийская.

Идеократическому государству, по мысли Трубецкого, необходима автаркия, так как она экономически и политически выгоднее, чем система «мирового хозяйства». Основной плюс автаркии, по мнению учёного, — её неизменность, гарантирующая мирное сожительство внутри и вовне, которая применима лишь для территорий, представляющих собой «особый мир», связанных друг с другом не только экономикой, но и общей исторической судьбой, цивилизацией, «национальными особенностями и национальным равновесием». Плановое хозяйство и государственная регуляция культуры, органичные при автаркическом государстве и помогающие защитить страну от вмешательства иностранного капитала, являются обязательным требованием идеократического государства.

Н.С.Трубецким в его учении вводится термин «общеевразийский национализм», который понимается им как общий наднациональный интерес народов России-Евразии, способствовавший созданию самого российского государства, определявший и направлявший в течение веков его внешнюю и внутреннюю политику.

ку, идеологию, культуру. В Евразии братство народов должно осуществляться не по одному какому-либо признаку (язык, религия), а по общности исторических судеб.

До революции, отмечает Трубецкой, Россия была страной, в которой «официальным хозяином» территории являлся русский народ. Революция и гражданская война существенным образом изменили ситуацию. После революции «инородцы» получили права, и русские оказались не господствующим народом, а первыми среди равных. Попытки в будущем отнять или умалить эти права нерусских народов обречены на неудачу, такие попытки будут морально необоснованны и вызовут ожесточённое сопротивление, так как время невозможно повернуть вспять. Чрезмерно повышенное национальное самолюбие русских способно восстановить против русских другие народы, что может оказаться фактором антигосударственным, разрушающим единство страны и способным привести к русскому сепаратизму.

Что же может, по мнению Трубецкого, спаять части огромного государства в единое целое? В СССР — это социалистический идеал. Но одной общности социального идеала недостаточно, националистически-сепаратистическим устремлениям отдельных частей большой страны необходимо противопоставить нечто большее. В Советском Союзе таким «противоядием» против сепаратизма и национализма считается классовая ненависть и пролетарская солидарность, так как националисты и сепаратисты — это враги пролетариата, потому что пролетариат лишён националистических инстинктов, которые являются атрибутами буржуазии и буржуазного строя. При этом честолюбие каждого народа польщено тем, что в пределах территории, которую он населяет, его язык признан официальным, крупные должности занимают «национальные кадры», сама область часто официально называется по народу, её населяющему. Таким образом, хозяином страны считается пролетариат всех народов СССР, возглавляемый коммунистической партией.

Чтобы отдельные части России продолжали существовать как единое государство, необходимо существование единого субстрата государственности, считает Н.С.Трубецкой. Замена национального субстрата классовым не создаст прочности государства, однако русский народ тоже не может вернуть себе прежнее господствующее положение, впрочем, никакой другой народ, проживающий на территории России тоже. В каждом национализме, считает Трубецкой, существуют элементы централистические, утверждающие единство данной нации, и сепаратистиче-

ские, утверждающие своеобразие какой-либо этнической единицы и обособленность её от более крупной единицы. Так как каждая этническая единица входит в какую-то другую, более крупную, и сама в себе включает несколько племенных разновидностей, то существуют национализмы разной амплитуды, которые входят друг в друга, как концентрические круги. И если центробежные и центростремительные элементы одного и того же национализма не противоречат друг другу, то те же элементы двух концентрических национализмов друг друга исключают. Значит, заключает Трубецкой, чтобы национализм данной этнической единицы не вырождался в чистый сепаратизм, необходимо, чтобы он комбинировался с национализмом более широкой этнической единицы, в которую данная этническая единица «входит». В применении к Евразии это значит, что национализм каждого отдельного народа Евразии (современного СССР) должен комбинироваться с национализмом общевразийским, т.е. евразийством. Таким образом, каждый член евразийского государства должен осознавать свою принадлежность не только к какому-либо конкретному этносу, но и свою принадлежность к евразийскому народу, то есть евразийский национализм — это некое слияние всех частных национализмов воедино.

«Следовательно, — делает вывод Н.С.Трубецкой, — национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, её территорию — *Евразией*, её национализм — *евразийством*» (Курсив Н.С.Т.) [6, с.423].

Так как между народами Евразии изначально существовало взаимное притяжение, чувство комплиментарности, «отношения некоего братания», то необходимо эти чувства сознательно развивать, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и притом существенным фактом. И это осознание своей принадлежности к евразийскому братству народов должно стать определяющим в этнопсихологии народов, населяющих Евразию. Не язык, не религия, не какие-либо этнические признаки, а общность исторических судеб связывает евразийские народы в единое целое, создаёт новые психологические и культурно-исторические связи. Ни панславизм, ни пантуранизм, ни панисламизм не могут дать того объединения, которое даёт общность исторической судьбы, считает Н.С.Трубецкой. «Это «братство народов» выражается в том, что здесь нет противоположения «высших» и «низших»

рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается «воля к общему делу», — пишет другой евразиец П.Н.Савицкий. [1, с.302].

Таким образом, мы видим, что социально-философские, исторические и социокультурные идеи Н.С.Трубецкого, разработанные им в начале прошлого века в контексте учения евразийцев, не потеряли своей злободневности. В этой ситуации наследие большого ученого представляет несомненную ценность и позволяет осознать то, насколько пророчески звучат его мысли в нашей стране в начале двадцать первого века. Евразийские идеи сегодня активно используются современными философами, культурологами, политиками и экономистами, так как в них заложено стремление России сохранить свою идентичность, а значит, наследие Н.С.Трубецкого представляет собой несомненную ценность сейчас, в начале двадцать первого века, и требует самого внимательного изучения, осмысления и раскрытия.

Литература

1. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства// Савицкий П.Н. Континент Евразия. –М.: Аграф, 1997. 464 с.
2. Трубецкой Н.С.Верхи и низы русской культуры // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.
3. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.
4. Трубецкой Н.С. Об идее–правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.
5. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.
6. Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.
7. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.
8. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. 800 с.

Сергеев В.К.

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: РОЛЬ ЯЗЫКА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сергеев Владимир Кириллович, к. ист. н., д. с. н., заслуженный работник культуры РФ, dr-sergeev@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблемам сохранения национально-культурной идентичности россиян, обеспечению безопасности русского языка и культуры и противодействия западной культурной экспансии.

Annotation: The article is dedicated to the problems of preservation of national and cultural identity of the Russian people, guarantee of the Russians culture and language safety, counteraction the Western cultural expansion.

Ключевые слова: Духовность, культура, язык, средства массовой информации, реклама, культурная экспансия, патриотизм, безопасность.

Keywords: Spirituality, culture, language, mass-media, advertisement, safety, cultural expansion.

Одним из основополагающих элементов, инструментов и носителей культуры является язык — устная и письменная речь. То, как мы мыслим и чувствуем, действуем, отражается в языке. То, как мы говорим и пишем, что мы читаем и слушаем, в свою очередь, формирует наше сознание, восприятие окружающей действительности, саму человеческую личность. Язык человека, социальной группы, общества в целом — точный и тонкий индикатор здоровья общества.

Социально-политические и культурные перемены последних десятилетий сказались и на состоянии русского языка. Изменения в лексике и стилистике, начавшиеся в конце минувшего века, продолжаются и в настоящее время. Изменился язык средств массовой информации, политиков, работников культуры и искусства, являющихся лидерами общественного мнения и общественной ориентации. Под воздействием этих и многих других факторов значительные изменения претерпел и язык как российского общества в целом, так и отдельных его социальных слоев, 84% москвичей, участников социологического исследования, считают, что культура родной русской речи сегодня переживает кризис.

Какова же сегодня ситуация в сфере русского языка и родной русской речи? Специалистам, изучающим эти проблемы, к сожалению, приходится отмечать, что ситуация сложная. Сегодня много говорится и пишется о проблемах экологии, ухудшении состояния, загрязнении природной среды, но ведь не менее остро сегодня стоит и вопрос об экологии духовной культуры, о загрязнении русского языка. А ведь мы, без преувеличения, живем родным языком, мы им связаны с прошлым, со своей родословной, с настоящим, с окружающими людьми, и даже с будущим. В решающей степени мы ощущаем себя русскими и принадлежащими к своему роду, родине, через родную речь.

Русский язык является не только национально-культурной ценностью, но и представляет собой объект системы национальной безопасности, требующий внимания и защиты. В жизни общества и человека язык занимает одно из ключевых мест, обеспечивая или не обеспечивая информационно-психологическую и культурную безопасность. В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» язык рассматривается как один из основных объектов, требующих обеспечения безопасности, « как фактор духовного единения народов многонациональной России».

Сегодня принято выделять следующие наиболее важные угрозы для русского языка:

- необоснованное массовое распространение иноязычных заимствований, в основном, американизмов;
- засорения языка жаргонной, уголовной лексикой;
- снижение качества преподавания русского языка и, как следствие, снижение грамотности населения;
- сокращение ареала обитания, роли и авторитета русского языка в ближнем и дальнем зарубежье.

Президент России В. В. Путин отмечал, что русский язык является универсальной основой российского государства и — шире — Русского мира. Но Русский мир все же начинается с России, а не с русского зарубежья.

Можно ли себе представить Париж, Лондон, Нью-Йорк, Берлин завешанными рекламой, с названиями магазинов, ресторанов, больших и микроскопических фирм, к примеру, на русском языке? — Нет, конечно. Что за абсурд! — скажут жители этих городов, и будут правы. Но почему же тогда мы не считаем абсурдом то, что улицы наших больших и малых городов без боя завоевали англицизмы?

Выходим на улицы самого большого, самого главного русского и исконно русского города — Москвы. Для современника

она представляется городом странным и все менее русским. Реклама, названия магазинов, кафе и ресторанов, официальных учреждений и общественных организаций, названия газет и журналов — все представляет собой дикое смешение русского языка с английским.

Взять, к примеру, центральную улицу российской столицы — Тверскую. Только на ней и прилегающих к ней улицах можно насчитать более сотни вывесок на английском: GlobalFit, BigBite, Hairshop, Starlait, MagnumWeinbar, HudsonBar, BurgerKing, и прочее, и прочее...

Практически исчезли с улиц российских городов Закусочные, Чайные, Кофейни, Пельменные, Блинные, Столовые — им на смену пришли Кофе Хаусы, Стар Доги, Якитории, Пицца-Хаты, и Мак Дональдсы. Вместо магазинов и рынков теперь супер-, гипер- и минимаркеты, в которых покупателей встречают не продавцы, а мерчендайзеры. Обычное загородное жильё превратилось в экофлэты или таунхаусы, а городская квартира в пентхаус. Вот только некоторые названия коттеджных поселков Подмосковья: Опушка-Таун, Ривер-Сайт, ФэмилиКлуб, Чкалов Клуб, VIP-ушки, БарвихаХиллз, X-Park, Миллениум-Парк и даже Monakovo.

А вот названия новых жилых комплексов столицы России: ArkodeSole, CrocusSiti, SitiPark, NevaTowers, WineHouse, и т.д. Что это — столица великой державы или порабощенная иноземными завоевателями колония?

Обычные и привычные для россиян конторы и учреждения сплошь стали офисами, где работают теперь не служащие, а топ-менеджеры, менеджеры и офис-менеджеры. Пробная поездка на автомобиле, который вы предполагаете купить, теперь звучит загадочно и не по-русски — тест-драйв, а водитель такси, нелегал ближнего зарубежья, теперь именуется не иначе, как драйвер.

Но не только малограмотные владельцы магазинов, ресторанов и кафе, вчерашние двоечники или бандиты по скудоумию коверкают русскую речь, родной язык. Грешат этим и вроде бы не лишённые образования, политики и даже работники культуры, которые уж вовсе непристало бы подавать дурной тон.

По состоянию языка, устной и письменной родной речи можно судить о том, насколько здорова или больна та или иная нация, то или иное государство, переживают они период подъема или упадка, чужеродной экспансии.

Средства массовой информации, политики, реклама, даже школа давно уже преподают нам не русский, а какой-то другой язык, перефразируя классика, — смесь английского с нижегород-

ским. Мы «диверсифицируем экономику», проводим «реструктуризацию», осуществляем «кастинг», поход по магазинам заменили на «шоппинг». Почему-то жизненно важными для россиян стали вдруг девальвация и модернизация, либерализация и монетизация, а еще инновация и диверсификация, конечно же, с условиях консолидации, а еще лучше интеграции...

Когда-то В. Г. Белинский писал: «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус». И сегодня это высказывание известного русского критика не утратило своей актуальности. И здравый смысл, и здравый вкус, похоже, сегодня утрачен начисто.

Все иноязычные заимствования можно разделить на две группы: оправданные и не оправданные.

Оправданными являются заимствования, которые означают те понятия, которых ранее в этом языке не существовало. Эти заимствования заполняют собой пустые языковые ниши. Они обозначают те понятия, для которых слов в языке еще не придумано. Однако после введения новых понятий, в прежние времена в русский язык со временем вводились русские же слова, обозначающие эти новые понятия. Теперь же этого не происходит, и русский язык заполнили англицизмы.

Неоправданным заимствованием является слово, которое вводится в язык из иностранного лексикона при том, что русское слово, определяющее это понятие уже имеется в наличии. Даже иностранцы, хорошо владеющие русским языком, удивляются засилью чужезычных заимствований в нашей прессе, журналах, книгах, рекламе и устной речи. О глубине проблемы свидетельствует тот факт, что для определения современного языка, на котором мы сегодня говорим и пишем, даже появился новый, уничижительный для нас, россиян, термин «РУНГЛИШ», характеризующий упадок, разложение, степень утраты самостоятельности русского языка и самих россиян.

Агентами, проводниками вестернизированной антикультуры, имплантации американизмов, вульгаризмов в русский язык стали лидеры мнения в российском обществе — ведущие политики, деятели культуры и искусства, лишенные культурных корней, ориентированные на Запад бизнесмены, работники средств массовой информации.

СМИ — телевидение, радио, пресса, интернет оказывают все большее воздействие на людей всех возрастов и социальных слоев. Но первенство принадлежит телевидению. Порой оно стано-

вится решающим фактором воспитания, формирования и развития личности, ценностных установок, моделей поведения, шкалы ценностей. И ценности эти порою сомнительны, зачастую, пользуясь тем же рунглишем, можно сказать, что они представляют собой западный сэкондхэнд, а по-русски — просто обноски.

Бурное развитие информационных потоков оказывает глубинное, часто решающее воздействие на состояние и развитие культурных процессов. Однако современные СМИ неоправданно мало уделяют внимания пропаганде подлинных духовных, культурных ценностей, чаще всего пропагандируют худшие образцы западной масскультуры, антикультуры, создают искаженный исторический и современный образ российского государства. Из многомерной и богатой событиями действительности СМИ выбирают, в основном, негативные, мрачные, порочные явления и факты.

Характерная примета современных российских СМИ — оскудение русского языка. В журналистику пришло множество случайных людей, не только не имеющих специального образования, но зачастую просто малограмотных, не владеющих родной речью. И вот порожденный ими «новый журналистский стиль» уже не осуждает, а наоборот, поощряет щедрое использование и смакование англицизмов и сленга. Таким образом, у читателей, слушателей, зрителей стираются грани между тем, «что такое хорошо и что такое плохо». Утрачено понимание соразмерности, уместности употребления тех или иных пластов лексики.

Заигрывая с невзыскательной аудиторией, средства массовой информации в погоне за тиражами, рейтингом, прибылью, все более пренебрегают нормами русского литературного языка. Они не ориентированы на решение задач по эстетическому, культурному, духовному воспитанию подрастающих поколений. Контент-анализ публикаций СМИ показывает, что на страницах газет и журналов, на радио и телевидении чрезвычайно мало места уделяется проблемам культуры и искусства народов России, классики в области литературы, поэзии, драматургии. Зато неоправданно большое внимание уделяется бездарным калькам иностранных ток-шоу, американским боевикам, фильмам ужасов и катастроф, слезливым мыльным операм, скандальным подробностям из жизни богемных «тусовок».

Русский философ, публицист и критик Василий Васильевич Розанов еще век назад писал:

«У нас совсем нет мечты своей Родины. И на голом месте выросла космополитическая мечтательность. У греков она есть. Была у римлян. У евреев есть. У французов. У англичан — «старая Ан-

глия». У немцев «наш старый Фриц». Только у прошедшего русскую гимназию и университет — «проклятая Россия». Жалит ее немец. Жалит ее еврей. Жалит армянин, литовец. Разворачивая челюсти, лезет с насмешкой хохол. И в середине всех, распоясавшись, «сам русский» ступил сапожищем на лицо бабушки-Родины.»

И эти слова в полной мере можно отнести и к нашему времени.

«Убить словом», «вернуть словом жизнь» — это не метафоры, а наблюдения. Если великий народ хочет остаться великим, свою культуру, свои традиции, свой язык он должен уметь беречь и защищать. Как относятся к РУНГЛИШУ москвичи? — Почти половина из них (45%) однозначно считают, что эти заимствования чрезмерны. Еще 43% полагают что «скорее чрезмерны, чем нет».

Стиль жизни формируется стилем речи. В начале XXI века мы ясно ощущаем, что живем в новом стиле, но, похоже, абсолютно не понимаем, что безвкусица слов способна испортить всякое благое намерение жить достойно.

В публичных выступлениях, литературных произведениях, СМИ, в театре и кино все чаще используется ненормативная лексика. Язык беднеет, утрачивает свой неповторимый колорит, накопленное веками богатство, взамен приобретая безобразные протезы жаргона и уголовной терминологии. Этот словесный мусор утвердился не только в быту, но и в СМИ, литературе, на театральной сцене. К сожалению, не только театральный молодежь, но и маститые режиссеры то и дело норовят поразить публику постановками, изобилующими матерными «изысками».

Не отстает от театра и телевидение. По общему мнению, телевизионные юмористические программы, такие, как «Кривое зеркало», «КомедиКлуб», «Аншлаг», «Петросян-шоу» и целый ряд других давно опустились в своем содержании «ниже пояса» и грани между пошлостью и приличием в них давно стерты. Чем примитивней, пошлее, грязнее миниатюра — тем смелее, современной, раскованней ощущает себя ее исполнитель.

Объясняет живучесть нецензурной лексики, как выяснилось в ходе одного из наших исследований, терпимость в обществе к этому явлению. Осуждают ее употребление лишь у 29% граждан. Треть нашего общества (33,7%) относится безразлично к ее существованию и 14,7% затруднились высказать определенное мнение.

Состояние устной и письменной культуры речи населения в целом и отдельных социальных групп в значительной степени зависит от уровня включенности в культурный процесс, культурной активности, доступности культурных благ и культурного продукта. В

этой связи следует отметить, что, с одной стороны, в условиях экономической нестабильности многие учреждения культуры, равно как и многие направления досуговой, просветительской деятельности стали недоступными для россиян. С другой стороны, сами люди снизили свою культурную активность и интерес к интеллектуальным, одухотворенным формам досуга под воздействием агрессивной масс-культурной экспансии. Следствием этого стало снижение культурного уровня населения в целом и культуры устной и письменной речи, русского языка в частности.

Сквернословие, мат — позорнейшие явления российской действительности. Однако в общественное мнение усилению внедряется мысль, что еще не так давно считавшиеся нецензурными, неприличными слова и выражения чуть ли не уникальное языковое богатство русского языка.

И вот уже, порой, из нежных девичьих уст зазвучали такие перлы из кладезя этого «уникального языкового богатства», что, наверно, не всегда услышишь и в местах содержания социальных отщепенцев. Мат намеренно вводится в моду так же, как и элементы уголовного жаргона. Постепенно и незаметно вошли в повседневную речь вроде бы хорошо образованных, интеллигентных, благополучных людей слова из уголовного мира, такие, например, как «замочить», «братан», «пахан», «крыша», «отмыть», «бабло», «наезд», «разборки» и тому подобные. И все почему-то смирились с этим. Что это — всеобщая мимикрия в условиях криминализованного общества?

Среди процессов, происходящих сегодня в речевой коммуникации, беспокоит и растущая безграмотность населения, нарушение традиционных норм произношения, связанное, в частности, и с массовым притоком мигрантов в большие города России из глухих окраин страны, носителей местных диалектов, а также граждан ближнего зарубежья, плохо владеющих русским языком.

Почти треть москвичей (68,8%) считают, что в последнее время снижается грамотность молодежи, 59% из них винят в этом СМИ, 62% — интернет, 65% — снижение интереса к чтению и 38,3% — недостаточную школьную подготовку. В значительной степени это объясняется снижением качества преподавания русского языка и литературы в средней и высшей школе.

Единый родной язык делает россиян соотечественниками, единой общностью. Но тот факт, что старшее и младшее поколения сегодня, по сути, говорят на разных языках и, порой, даже не до конца понимают друг друга, ведет к межпоколенному разобщению, отчуждению, что является серьезной угрозой национальной без-

опасности, и это в то время, когда в новой России социальные связи еще так не устойчивы, а противоречия так велики.

«Язык, — писал А.Куприн, — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью».

Видимо, государство, по сути, давно и надолго отвернувшееся от проблемы русского языка, не видит его сбережение насущной необходимостью. И потому современный «рунглиш», щедро сдобренный уголовно-матерным жаргоном, ведет нас не по пути цивилизации и культуры, а явно в какую-то другую сторону. Ведь внутренний мир человека и образ окружающего мира, который формируется в его сознании, определяется не только уровнем знаний и идеологическими установками, но также и теми языковыми средствами, с помощью которых человек формируется в процессе мышления. Таким образом, методичная работа по искажению, засорению русского языка является намеренной манипуляцией сознанием россиян.

Русский язык — основной гарант сохранения национальной культурной идентичности и государственности. Именно поэтому он требует к себе бережного отношения, обеспечения сохранности, развития и безопасности.

Проблеме бережного отношения к языку уделяют особое внимание в большинстве развитых стран. Так, например, очень строгий закон о языке действует в Польше. Этот закон не только запрещает использование иностранных слов, имеющих польские аналоги, но и требует, чтобы иностранные названия, имена собственные, наименования торговых марок и т. п. переводились на польский язык.

Согласно закону о защите французского языка, лица, злоупотребляющие в средствах массовой информации, рекламе иностранными словами, у которых есть соответствующие французские аналоги, штрафуются на сумму до 20 тыс. евро. Специальные цензоры следят за употреблением заимствований в газетах и журналах, на телевидении и радио.

Принятие закона о защите французского языка послужило сигналом и стимулом к обсуждению аналогичных законов в других странах — Германии, Эстонии, Румынии, Болгарии.

Подобная юридическая практика в области защиты государственного языка могла бы быть реализована и в России. Дело зашло так далеко, что пора уже не только законодательно запретить неоправданное использование иноязычных заимствований, фоне-

тически, орфографически и синтаксически искажающих русский язык, но и предусмотреть правовую ответственность за нарушения закона о языке.

Развитие языка в своем поступательном движении должно исходить из национальных, культурных и лингвистических традиций, не отрываясь от них, не меняясь чрезмерно стремительно и резко, поскольку это несет опасность утраты самостоятельности, самобытности, культурных основ, захвата ареала обитания родной культуры и языка другими языками и культурами. Трансформация устной и письменной речи, языкового строя обоснованы лишь в том случае, если они способствуют развитию и совершенствованию мышления и чувствования человека и выражению этих мыслей и чувств, обогащая духовный мир личности и общества.

Смутные времена приходят и уходят, и пережить их следует достойно и государству, и обществу, и каждому человеку. И тогда все встанет на свои места, все возродится — и экономика, и промышленность, и культура, и родная речь, так уставшая от засилья набившего оскомину «рунглиша» и прочей нечисти. Мы верим и знаем это, так же, как верила и знала это замечательная русская поэтесса Анна Ахматова, написавшая эти замечательные и пронзительные строки:

«...Мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки».

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Сергеев В.К., Сергеев В.В. Русский язык и культура. М., Академика, 2010.
2. Иванов В.Н., Сергеев В.К. Человек. Культура. Город. М., РИЦ ИСПИ РАН, 2002.
3. Иванов В.Н., Сергеев В.К. «Русский Мир» и социальные реалии. М., Серебряные нити, 2008.
4. Иванов В.Н., Левашов В.К., Сергеев В.К. Москва, Россия, Русский Мир. М., Академика, 2012.
5. Молодежная культура и СМИ. М., Серебряные нити, 2006.
6. Колин К. Русский язык и актуальные проблемы национальной безопасности России и стран Евразии. Ciberleninka.ru
7. Кушнир А. Русский язык и безопасность www.Spi.ru/saver-national/detail.ptp.
8. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации//Советская Россия, 2000, 29 сентября.

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АНОМИИ В ПЕРЕЛОМНЫЕ ПЕРИОДЫ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (20-е гг. XX века)

Харитоновна Елена Владимировна, кандидат психологических наук, ученый секретарь ФГБУН Института психологии РАН.

Kharitonova Elena Vladimirovna, PhD in Psychology, academic secretary of the Institute of psychology of the RAS.

Аннотация: Представлены результаты психолого-исторической реконструкции индивидуально-психологических проявлений аномии на материалах 20–х гг. XX века. Показано, что масштабные общественные преобразования вызывают явление социальной аномии, проявляющейся на уровне личности в индивидуально-психологической аномии, которая, в свою очередь, детерминирует рост девиантного поведения. Выделены и описаны индикаторы и характеристики индивидуально-психологических проявлений аномии.

Abstract: Presents the results of a psycho-historical reconstruction of individual psychological manifestations of anomie on the materials of the 20-ies of XX century. It is shown that large-scale social transformation causes the phenomenon of anomie, which is manifested at the level of the individual in the individual-psychological anomie, which determines in turn the growth of deviant behavior. Discovered and described by indicators and characteristics of individual psychological manifestations of anomie.

Ключевые слова: аномия, девиация, апатия, моральное равнодушие, одиночество, короткие жизненные проекты, социальное напряжение, агрессия.

Keywords: anomie, deviation, apathy, moral indifference, loneliness, short life projects, social tension, aggression.

Залогом успешного и продуктивного развития любого общества является социально-экономическое и морально-психологическое благополучие его граждан. Современное российское общество переживает очередной экономический кризис, на фоне которого ярко проявляются разнообразные формы девиантного поведения [5, 18, 23; и др.].

Взаимосвязь девиантного поведения и явления аномии впервые было описано Э. Дюркгеймом в его книге «Самоубийство» (1897) [4]. Дюркгейм предполагал, что аноμία развивается тогда, когда быстрые социальные и экономические изменения нарушают порядок в общественном устройстве. Отсутствие традиционных норм и утрата ограничений ведут к появлению у людей чувства потери ориентиров. В отсутствии четких жизненных ориентиров, норм и правил некоторые люди устают от существования, их усилия становятся бесполезными, жизнь теряет ценность и следствием этого может быть аномичное саморазрушение или самоубийство. По Дюркгейму, именно статистика самоубийств является самым убедительным свидетельством наличия аномии в обществе. Состояние человека в условиях аномии Дюркгейм описывает следующим образом: «Без конца рождаются и вслед за тем разбиваются жизнью всевозможные надежды, и в душе непрерывно растет чувство усталости и разочарования. И как может укрепиться в уме человека то или иное желание, если нет никакой уверенности в том, что объект желания может быть сохранен. Ведь аноμία двусторонняя: если человек не может вполне отдалиться, он не может и вполне овладеть. Неверность будущего вместе со своей собственной половинчатостью лишают его навсегда покоя» [4, с. 183].

Причины роста суицидальной активности и других девиаций, безусловно, связаны не только с экономическим положением в стране, но и с остротой духовно-нравственного кризиса и явлением социальной аномии. Социальная аноμία обусловлена ломкой традиционных ценностей и норм, развивается в ситуации, когда кардинальные общественные и экономические изменения нарушают сложившуюся систему отношений. Социальная аноμία ослабляет значение и ценность моральных норм в обществе, которые призваны регулировать человеческую деятельность, в связи с этим происходит нарушение механизмов регуляции и контроля, меняются ценностные ориентации в обществе, разрушаются межпоколенные связи. Мы полагаем также, что социальная аноμία детерминирует на уровне личности проявления индивидуально-психологической аномии.

Для более полного и глубокого понимания причин и особенностей поведения человека в условиях преобразования российского общества, мы обратились к историческим событиям 20-х гг. XX века. Исходным методологическим положением выступило представление о том, что психика человека, имея социальную природу, является в то же время продуктом истории, получая

свое предметное воплощение в различных областях материальной и духовной культуры конкретной исторической эпохи [7, 11; и др.].

В качестве методического инструмента использовалась *процедура психолого-исторической реконструкции*, включающая на разных этапах ее проведения совокупность методов: общенаучные методы (анализ, обобщение, систематизация полученного материала), контент-анализ, анкетирование. Психолого-историческая реконструкция относится к числу качественных методов, характеризующихся нестатистическими, неколичественными способами получения данных [9]. Она направлена на воссоздание различных проявлений психики людей конкретной эпохи посредством анализа явлений материальной и духовной культуры этой эпохи.

Таким образом, психолого-историческая реконструкция психологических проявлений аномии в России в 20-е годы XX века позволит получить интегральную картину психологических состояний и особенностей поведения человека в условиях коренных общественных преобразований, и в итоге — поможет пониманию состояния и исторической перспективы современного российского общества [3, 15, 21; и др.].

В России социальная аномия наиболее ярко проявилась в сложные послереволюционные годы — в период «коренных преобразований», самых глубинных в социальной жизни за все время существования Российского государства. Глубина кризиса определялась многими *факторами*:

1) в последние предреволюционные годы страна переживала беспрецедентную в истории войну на два фронта: на внешнем фронте — Германия и ее союзники, а на внутреннем — большевики с их стратегией поражения России в войне методами дезорганизации армии и тыла;

2) Октябрьская революция 1917 года определила коренные социально-экономические и социально-политические преобразования;

3) приход к власти большевиков обусловил формирование новой идеологии, новых ценностей, отказ от многих традиций и отлучение народа от церкви.

Все эти факторы определяли изменения в массовом сознании и повлекли за собой преобразования нормативных ценностей, что, в свою очередь, детерминировало появление социальной аномии.

Важнейшим условием проведения психолого-исторической реконструкции психического явления прошлого выступает выбор

адекватной источниковой базы. С.Л. Рубинштейн подчеркивал значимость изучения продуктов деятельности, которые воплощают в себе информацию о его субъекте: «Порождаемый человеческой деятельностью предметный мир обуславливает все развитие человеческих чувств, человеческой психологии, человеческого сознания [17, с. 49].

Учитывая эти особенности, мы обратились к личным документам, письменным источникам — эпистолярным материалам, дневниковым записям и мемуарам, созданным в 20-е годы прошлого века, которые, по нашему мнению, наиболее полно отражают представления и переживания их авторов и позволяют выявить психологические проявления аномии.

Следующим шагом в проведении психолого-исторической реконструкции выступает разработка *теоретической модели*, позволяющей максимально полно выявить вероятностно содержащееся в источниках конкретной исторической эпохи психологическое содержание исследуемой нами проблемы. Особенностью психолого-исторического исследования является то, что реконструкция психологического явления осуществляется в условиях современного нам мировоззрения и в рамках существующего концептуального аппарата современной психологической науки. Построение теоретической модели нашего исследования связано с выделением и описанием психологических проявлений аномии. Для этого мы обращаемся к теоретическим источникам, к современным научным работам, посвященным данной теме.

Понятие «аномия» буквально означает отсутствие закона или безнормность. *Аномия* (др.-греч. ἀ- — отрицательная приставка, νόμος — закон) представляет собой состояние, характеризующееся отсутствием цели, разрушением традиций и ценностей, как у отдельного человека, так и в обществе в целом. С явлением аномии также связаны снижение значимости и изменения в системе прежних норм. Социальные нормы в обществе могут полноценно функционировать, если: во-первых, существуют знания о норме, понимание ее содержания, сведения о санкциях при нарушении; во-вторых, в обществе формируется ценностное отношение к норме; в-третьих, знание норм и ценностное к ним отношение обуславливает формирование навыка поступать в соответствии с нормами.

Массовое отклонение от норм приводит к росту разных форм девиаций в обществе, так как нарушается самая значимая, ценностная составляющая *отношения к нормам*. Это возникает в обществе, в котором нормы, правила и ценности не исчезли, законы

не отменили, но их мало кто соблюдает. Аномия, таким образом, это не ситуация полного безнормия, а ситуация обесценивания всех норм [1].

Понятие аномии ввел в науку Э. Дюркгейм в своих основополагающих работах — «О разделении общественного труда» (1893) и «Самоубийство» (1897). Он трактует аномию как состояние разрушенности или ослабленности нормативной системы общества, которое вызывается резкими изменениями, скачками в развитии — периодами упадка и расцвета.

Далее понятие аномии было развито американским социологом Робертом Мертоном в 60–70-е годы XX века [13]. Основу теории Мертона составляют два основных понятия: «аномия» и «социальная структура общества». Понятие «социальная структура» рассматривается как социально-психологическая категория и складывается из двух «фаз»: 1) из наиболее существенных целей, которые ставят перед собой социальные группы общества («жизненные устремления» группы), и 2) средств, которые употребляются для их достижения; сами средства, в свою очередь, делятся на «предписываемые» (законные) и «наиболее эффективные», ведущие к результату кратчайшим путем.

В концепции Мертона обращает на себя внимание заключение, что «законность» и «эффективность» необязательно совпадают применительно к избираемым средствам (то, что законно, не обязательно эффективно, и наоборот).

В дальнейшем изучение аномии было перенесено на индивидуально-психологический уровень, включающее исследование аномического состояния индивидов. Именно этот пласт исследования лег в основу построения нами теоретической модели.

Психологический подход к аномии отразился и в терминологии: для обозначения «социальной» аномии используется дюркгеймовский вариант этого слова (anomie); для обозначения аномии «психологической» — термин, предложенный американским социологом и психологом Лео Сроул (anomia). Он впервые предложил рассматривать аномию как индивидуальный опыт и измерять индивидуальные субъективные переживания аномии. В качестве характерных переживаний такого человека он предложил пять утверждений, согласие с одним из них, говорит о наличии у индивида личностной аномии в определенной сфере:

«1. Я чувствую, что влиятельные фигуры в обществе равнодушны к моим запросам и нуждам.

2. В обществе, где нет порядка и неизвестно, что случится завтра, мало чего можно добиться.

3. Шансов достигнуть важнейших для меня жизненных целей все меньше.

4. Что бы я ни делал, получается, что жизнь проходит даром.

5. Я все больше убеждаюсь в том, что не могу рассчитывать на дружескую поддержку со стороны моего непосредственного окружения» [14, с.127].

Психологическая концепция аномии далее была развита Робертом Макайвером и Дэвидом Рисменом. «Психологическая аномия», по Макайверу, — это такое состояние личности, когда индивид «оторван от своих моральных корней, у него нет больше каких-либо норм поведения, а остались только разрозненные побуждения, у него нет больше представлений о целостности, о единстве народа, о долге» [8, с.7]. Макайвер выделяет *три типа* личностной аномии:

1. когда жизнь индивидов становится бесцельной по причине отсутствия значимых ценностей;

2. когда они используют свою энергию и возможности только для себя;

3. когда они лишены значимых межличностных связей и взаимоотношений.

Девид Рисмен полагает, что аномия — это непригодность человека к жизни в обществе. По его мнению, в любом обществе есть личности «ориентированные извне», «ориентированные изнутри» и «традиционно ориентированные». Тот, кто не способен приспособиться к господствующим в обществе нормам, становится аномичным. Если в современном обществе, ведущие цели — это достижение финансового успеха, слава и победа в конкурентной борьбе с другими, то в таком обществе комфортно тем, кто «ориентирован извне». Для других, «традиционно ориентированных» или «ориентированных изнутри» сопутствует чувство одиночества, они чувствуют себя чужаками в мире, ценности которого не разделяют.

Аномию как личностное состояние изучал Элвин Пауэл, который отмечал, что в условиях, когда «цели деятельности индивида становятся противоречивыми, недостижимыми или несущественными, состояние аномии усиливается. Оно характеризуется общей потерей ориентации и сопровождается ощущением «пустоты» и апатии, аномия может ощущаться индивидом просто как состояние бессмысленности» [25, с.132].

Еще одну значимую характеристику проявления аномии на индивидуальном уровне приводит Э. Фромм, считая, что главнейшим показателем болезни общества является *рав-*

нодушие к человеческой личности. В связи с этим можно оценить и аномические результаты, представленные Фроммом в понятиях «нарциссизма», «некрофилии», «садизма», «мазохизма» и др. [22].

Авторскую концепцию личностной аномии создает Роберт Агнью, взяв за основу идею Мертона о возникновении *социально-психологического напряжения* у индивида в случае невозможности им достигнуть заданные обществом цели законными средствами. Агнью создает «Общую теорию напряжения», которая показывает разные источники социально-психологического напряжения, включая и рассогласование между целями и средствами их достижения [24, р. 48]. Причиной возникновения аномии на микроуровне также может быть негативное отношение к индивиду значимой для него группы. Источником аномического напряжения на уровне личности всегда являются «негативные взаимоотношения с другими, иначе говоря, взаимоотношения, в которых индивида не воспринимают так, как ему... хотелось бы, чтобы его воспринимали» [24, р. 50].

В таких ситуациях общения индивид старается избегать отрицательных оценок, он может либо скрывать от окружающих свои ситуации неуспеха, либо вообще избегать какой-либо деятельности, уходить от взаимодействия, предпочитать одиночество.

Современные отечественные исследователи аномии вносят в ее анализ новые существенные характеристики, которые еще предстоит исследовать с позиции их психологических составляющих. Так, анализируя современную аномию в российском обществе, В.В. Кривошеев считает ее сущностной характеристикой — ситуацию коротких жизненных проектов [12]. *Короткие жизненные проекты* — это расчет людьми своих планов, видение ими своих перспектив (социальных, экономических, духовных, семейных) на крайне непродолжительное время. Планирование своего времени не превышает в таких проектах одного-двух календарных лет. В связи с чем, возникает ситуация, когда ценность собственной жизни снижается, но при этом усиливается эгоцентризм. Проявления такого сочетания особенно ярко заметно в поведении на дорогах и транспорте. Каждый водитель стремится занять лучшую позицию на дороге, не пропустить, игнорируя окружающих, иногда проявляя отрицание правил, агрессивное своеволие, беспечность, полнейшее равнодушие к окружающим. Распространение наркомании, алкоголизма, курения, особенно среди девушек, также свидетельствует о существовании коротких жизненных

планов и нежелании выстраивать стратегии собственной жизни — «живут одним днем».

Еще одним социально-психологическим феноменом аномичного общества является апатия. *Апатия* в переводе с греческого — бесстрастность, т.е. состояние, характеризующееся эмоциональной пассивностью, уплощением чувств, равнодушием к событиям окружающей действительности и ослаблением побуждений и интересов.

Социальная апатия представляет собой самочувствие общества, выражающееся в безразличии, эскапизме, отсутствии смысла жизни. Апатия на индивидуальном уровне проявляется в ярко выраженном инфантилизме, уходе от межличностного общения в виртуальную реальность. Современные коммуникативные и информационные возможности, с одной стороны, уплотняют время личности, позволяя преодолевать пространственные и временные границы, но с другой стороны, лишают человека возможности спокойного, неспешного обдумывания последствий своей активности в сети. Они приводят к утрате чувства подлинности и реальности происходящего, в которой человека преследует переживание погони за новыми образами, новыми удовольствиями, новыми «хитами» [1].

Моральное равнодушие представляет собой еще одно проявление психологической аномии, это особое отношение безразличия к себе и полного пренебрежения к Другому [1]. Моральное равнодушие на личностном уровне характеризует прежде всего слабовольную, инфантильную, безответственную личность. Количество таких личностей в аномичном обществе неизбежно возрастает и приводит к моральному равнодушию масс.

Еще одной важной характеристикой нашего времени является ситуация персонифицированных ценностей, когда говорят о «безгеройном времени». Такое «безгеройное время» связано с отсутствием идеалов, неопределенностью нравственного выбора, отсутствием «модели поведения», социально одобряемого обществом. Это также показатель нечеткости социальных норм и проявления аномии.

Таким образом, проведенный анализ научных источников позволил предложить модель исследования индивидуально-психологических проявлений аномии. Данная модель исследования включает в себя индикаторы индивидуально-психологических проявлений аномии и их характеристики.

Таблица 1. Индикаторы и характеристики индивидуально-психологических проявлений аномии

№ №	Индикаторы индивидуально-психологических проявлений аномии	Характеристики индивидуально-психологических проявлений аномии
1.	Апатия	Пассивность, отсутствие целей и жизненных интересов, разочарование в ценностях и нормах, тоска, безверие.
2.	Моральное равнодушие	Равнодушие к окружающим, эгоцентризм, индивидуализм.
3.	Короткие жизненные проекты	Отсутствие долгосрочных планов, «жизнь одним днем».
4.	Субъективное чувство одиночества	Пессимизм, отсутствие значимых межличностных связей, разрушение идеалов, уход в себя, беззащитность, тревога.
5.	Агрессивные проявления	Злоба, гнев, вербальная агрессия.

Опираясь на представленную модель и используя совокупность личных документов (дневниковые записи, мемуары, письма), мы провели психолого-историческое исследование социального самочувствия граждан, их психологического состояния и переживаний с целью выделения проявлений индивидуальной аномии в переломный период российской истории — 20-е годы XX века.

Анализ дневниковых записей, в которых отражены «беспристрастные факты», раскрывает психологическое состояние личности, особенности переживаний, а также социально-исторический контекст, показывает историческое время с содержательной стороны [16, с. 3]. «Дневники — это непосредственные документы жизни, в этом смысле они обладают неоспоримой ценностью и большим исследовательским значением» [16, с. 7].

Безусловно, дневники, которые велись в 20-е годы XX века, отразили истинную картину происходящего, глазами очевидца, но учитывая общую ситуацию с грамотностью в стране, мы понимаем, что вести дневник в те времена могли только представители определенных социальных групп.

Для получения более достоверных и широко представленных данных по разным социальным группам, мы обратились к письмам крестьян, солдат и рабочих. Такие письма представляют собой: либо обращение во властные органы («Письма во власть»), либо письма и отклики граждан о событиях в газеты. Такие письма позволяют «поставить диагноз состоянию общества, а также

проследить царившие в нем умонастроения, сознание и психологию людей [2, с. 24]. Особый жанр писем в России — это письма во власть, как способ выражения широких общественных настроений, связанный с особенностями русского менталитета [10], а именно, психологии русской общины и вере простых людей в доброго царя, доброго начальника, который сумеет рассудить «побожески», «по правде». История челобитных, жалоб, просьб подтверждает традиционное обращение к власти простого народа.

Письма во власть, таким образом, — это уникальный источник, в котором отражена и социальная история, и общественные настроения, и особенности повседневности, а также одно из важнейших в российской традиции средств коммуникации в системе «личность — общество — культура» (подробнее см.: [6]).

Для реализации цели нашего исследования было проанализировано более 600 писем (627) и 12 дневниковых записей (дневники П.Сорокина, М.М. Пришвина, А.С. Изгоева, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, К.Н. Гулькевича, В.И. Вернадского, А.Л. Толстой, Т.Л. Щепкиной-Куперник, В.Н. Иванова, дневник Жени, дневник неизвестного). Для нашей теоретической модели интерес представляли записи, отражавшие те или иные индивидуально-психологические проявления аномии.

В анализируемых источниках выделялись фрагменты, содержащие в себе индикаторы либо характеристики индивидуально-психологических проявлений аномии, которые использовались для проведения контент-анализа (подробнее см.: [19, 20; и др.]). Таким образом, характеристики индивидуально-психологических проявлений аномии представляли понятийно-тематическую единицу. Квантификация проведена подсчетом частоты употребления той или иной характеристики (понятийно-тематической единицы). Всего было выделено свыше тысячи подобных характеристик.

Таблица 2. Распределение данных по индикаторам индивидуально-психологических проявлений аномии (в процентах по всем выделенным фрагментам).

	Апатия	Моральное равнодушие	Короткие жизненные проекты	Одиночество	Агрессивные проявления
Из писем	38%	15%	6%	26%	15%
Из дневников	42%	17%	10%	21%	10%

Контент-анализ показал, что наиболее частотным проявлением в анализируемых источниках (письмах и дневниках) является индивидуально-психологические проявления апатии — 38%

и 42%, соответственно, которые выражаются в отсутствии целей и жизненных интересов, пассивности, разочаровании в ценностях и нормах, тоске, безверии, депрессивных переживаниях. Переживание субъективного чувства одиночества представлено вторым по частоте — соответственно, 26% и 21%. Это состояние проявляется в беззащитности, пессимизме, отсутствии значимых межличностных связей, тревоге, разочаровании, «уходе в себя» — молчанию, переживании одиночества.

Проявления морального равнодушия и агрессии представлены приблизительно равными частотными проявлениями как во фрагментах из дневников, так и в выбранных фрагментах из писем.

Таким образом, можно заключить, что масштабные исторические преобразования в России в 20–е гг. XX века не только сопровождалась явлением социальной аномии, но и проявлялись на личностном уровне в индивидуально-психологических формах аномии.

В послереволюционной России были предприняты масштабные государственные меры по преодолению последствий социальной аномии. Страна объединила людей, были декларированы и восприняты большинством новые социалистические ценности, перед советскими людьми открылись многочисленные перспективы, как собственного развития, так и созидания своей страны. Полагаем, что изучение и осмысление этого исторического опыта, а также опора на базовые внутренне присущие русскому менталитету традиционные ценности помогут и в современном обществе нейтрализовать деструктивные воздействия аномии.

Литература

1. Бурова Ю.В., Коваль Е.А. Нормативные основания механизмов преодоления дезадаптации современной молодежи в условиях социальной аномии (на примере Республики Мордовия). Саранск, 2014.
2. Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К.Соколов. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. Пер. с фр. М.: Мысль, 1994.
5. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
6. Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
7. Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.

8. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявление. М.: Научный эксперт, 2013.
9. Кольцова В.А. История психологии: проблемы методологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
10. Кольцова В.А., Журавлев А.Л. Российский менталитет как предмет психологического исследования: сущностные характеристики и факторы формирования // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Выпуск 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 7–37.
11. Королев А.А., Журавлев А.Л., Кольцова В.А. История и психология: немолчаливый диалог. Учебное пособие / Под ред. А.А.Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
12. Кривошеев В.В. Аномия современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения. Калининград, 2008.
13. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
14. Лабиринты одиночества /Сост. Н.Е. Покровский М., 1989.
15. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты /Отв. ред. В.С. Степин. М.: Наука, 2007.
16. Рубинштейн М.М. Юность: по дневникам и автобиографическим записям. М., Издание Высших педагогических курсов при МВТУ, 1928.
17. Рубинштейн С.Л. О философских основах психологии (Ранние рукописи К. Маркса о проблемах психологии)//С.Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 47 — 67.
18. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
19. Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
20. Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2002.
21. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
22. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
23. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
24. Agnew R. Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. Los Angeles: Roxbury Pub., 2006.
25. Powell E.H. Occupation, Status and Suicide: Toward a Redefinition of Anomie // American Sociological Review. Vol. 23. No. 2. 1958.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ОТНОШЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
К КОРРУПЦИИ¹**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF PERCEPTION OF CORRUPTION
BY MODERN YOUTH

Китова Джульетта Альбертовна, д.псх.н., профессор, первый проректор. Университет российского инновационного образования, 119017 Москва, ул. Малая Ордынка, д. 7. Тел. 8 (495) 953 19 04. E-mail: j-kitova@yandex.ru
Kitova Djulietta Albertovna, Psy.D., Professor. First prorector, University of Russian Innovative Education. 119017 Moscow, Malaya Ordynka st., 7.
Tel: 8 (495) 953 19 04. E-mail: j-kitova@yandex.ru

Аннотация: Одним из существенных негативных последствий коррупции выступает снижение конкурентоспособности государства, предприятий и конкретных людей с высоким уровнем профессионализма. Предупреждение коррупции является сложным и трудоемким процессом, а психологические факторы противодействия выступают самостоятельным направлением такой деятельности. Представлены основные антикоррупционные позиции студентов, которые могут составить психологическую основу противодействия коррупции у молодежи.

Annotation: One of the major negative effects of corruption is decline in the competitiveness of the state, corporations and even specific individuals with a high level of professionalism. Prevention of corruption appears to be a complex and time-consuming process, and psychological factors are an independent direction of such activities. The paper presents the main anti-corruption position of students, who can take on the role of psychological foundation of fighting corruption.

Ключевые слова: антикоррупционные представления, социальные последствия коррупции, механизмы противодействия коррупции, отношение к коррупции, отношение к коррупционным правонарушениям.

Key words: anti-corruption perceptions, social consequences of corruption, means of fighting corruption, perception of corruption, perception of corruption offenses.

Актуальность проблемы исследования. Рост коррупции и ее негативное влияние распространяется на основные социальные процессы в современном обществе. Многие специалисты счита-

¹ Государственное задание ФАНО РФ 0159-2016-0002.

ют, что социальные институты общества оказались подвержены коррупции [6–9, 11, 12, 16, 24, 25 и др.] Наличие такой проблемы признается как населением, так и руководством государства. Более того, в обществе формируется и такое явление, как «принуждение к коррупции», когда со стороны некоторых представителей властных органов или правоохранительных структур оказывается давление на отдельного человека, или даже группу людей, для достижения каких-либо корыстных интересов.

При этом, изучение психологических факторов противодействия коррупции выступает относительно самостоятельным теоретическим и научно-практическим направлением исследования [9, 11, 18, 19, 24, 25 и др.]. К сожалению, прогнозирование и противодействие коррупции являются трудоемкими процессами и не всегда приносящими быстрые результаты. При стратегическом прогнозировании коррупционных рисков необходимо учитывать и психологические особенности отношения молодежи к коррупции. Как известно, *система отношений* человека к чему-либо выражает не только его личный опыт и переживания, но и внутренне определяет его действия и поступки.

Если обратиться к психологической теории отношений, как основного методологического принципа анализа отношений молодежи к коррупции, следует начать с анализа самого феномена *отношения*. В частности, В.Н. Мясищев полагал, что отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, которые, основываясь на личном опыте, задают направленность будущего поведения личности [15]. Ряд авторов указывает на особенности феномена отношений, проявляющихся в актах социального поведения личности. В частности, в социальной психологии представлены следующие позиции: отношения проявляются в социальных действиях и поступках [22, 23 и др.]; отношения являются способом решения личностью основных проблем ее жизнедеятельности [1].

Отношения личности носят избирательный характер, который проявляется в их избирательной направленности (интенции) на объекты отношений и поведении личности по отношению к ним. Отношения личности к окружающей действительности организуются в сложную устойчивую структуру, содержательные характеристики которой выступают важнейшими компонентами психологического склада личности — ее *направленности*. Важной особенностью психологических отношений является их обусловленность

предшествующим жизненным опытом личности и теми объективными связями, которые складываются у нее с объектами отношений, субъективным отражением которых являются *психологические отношения* [4, 15, 17, 22, 23 и др.] .

В содержании доминирующих отношений человека выражены его мировоззренческие установки, имеющие для человека стабильную мотивирующую значимость. Феномен отношений позволяет диагностировать глубинные личностные характеристики человека, которые, в свою очередь, являются ведущими регуляторами поведения личности.

Устойчивые эмоциональные отношения человека к явлениям действительности, порождаемые миром объективных явлений, носят субъективный характер и для разных людей могут иметь разное значение. В связи с этим, у нас есть возможность не только выявлять особенности психологического отношения конкретной личности к тем или иным явлениям, но и классифицировать их по однородным признакам.

Возникая как результат обобщения отдельных эмоций и чувств, сформировавшиеся отношения становятся новообразованиями эмоционально-чувственной сферы человека, определяющими динамику и содержание эмоционального фона деятельности личности, и позволяют определять значимость внешних воздействий на самочувствие человека.

В процессе формирования личности отношения организуются в иерархическую систему, в которой одни из них занимают ведущее положение, соответствующее актуально действующим мотивам, другие остаются потенциальными, нереализованными. Наиболее устойчивые отношения выражаются в *целостном* отношении личности к социально-экономическому явлению. Таким образом, отношения личности выступают одним из ведущих *механизмов* внутренней регуляции психической деятельности и поведения личности не только в краткосрочной, но и долгосрочной перспективе.

На современном этапе развития отечественной социальной психологии концепция психологических отношений наиболее прописана и систематизирована в монографии А.Л. Журавлева и В.П. Познякова. Авторы подробно выделяют и обобщают устойчивые в социальной психологии основные положения теории психологических отношений и предлагают свое видение проблем и перспектив ее дальнейшей разработки [4]. В другой специальной работе того же года Позняков отмечает, что: «Психологические отношения — это феномены или характеристики сознания лично-

сти или, если говорить более точно, осознаваемые психические явления. Это особые состояния сознания, которые предшествуют реальному поведению личности и выражают готовность к этому поведению (в чем выражается поведенческая сторона отношений). Они включают в себя, наряду с готовностью к определенному поведению, и эмоциональный компонент, выражающийся в эмоциональных переживаниях и в оценке объектов отношений» [17, с. 169]. Таким образом, «отношения» включают в себя феномены или характеристики сознания личности, которые предшествуют ее реальному поведению — обобщает автор. Отношения как феномен включают в себя еще и когнитивный компонент, выражающийся в знании об объектах отношения, и эмоциональную модальность [17, с. 170].

В завершение обобщим значимую для нашего анализа особенность феномена «отношения»: отношения личности к явлениям действительности формируются в процессе общественного развития человека и детерминируются конкретными социальными условиями. Таким образом, отношения людей к событиям и явлениям не идентичны друг другу в разных социально-экономических условиях, что обуславливает актуальность исследуемой нами проблемы.

Опираясь на описанную теоретико-методологическую концепцию, нами проведен *эмпирический анализ* представлений молодежи о коррупции. В данной статье изложены результаты анализа отношения молодежи к коррупции (в частности, к коррупционерам и последствиям коррупции). Эмпирическое исследование проводилось среди студентов 1–4-х курсов гуманитарных факультетов вузов в возрасте от 18 до 25 лет. В исследовании приняли участие 134 юношей и 113 девушек (всего 247 человек).

В общей сложности, респонденты ответили на 17 различных вопросов о коррупции, два из которых были направлены на выявление их отношения к коррупции. В частности, нас интересовали: отношение молодежи к личности коррупционера и к последствиям коррупции. Отношение к коррупционерам выявлено с помощью контент-анализа [20 21 и др.] из общего количества ответов на вопросы анкеты. Ответы об отношении к коррупции являются результатами обработки незавершенного предложения: «Последствием коррупции являются...».

Если условно классифицировать полученные характеристики коррупционеров, которые идентифицируются самими студентами, в соответствии с психологической структурой личности можно выделить несколько структурных психологических блоков отноше-

ния молодежи к коррупции (все выявленные характеристики коррупционеров отражены в таблице 1).

Таблица 1. Отношение молодежи к коррупционеру

Характеристики коррупционера					
1.	Авторитарный	2.	Уход от ответственности	3.	Неумелый
4.	Агрессивный	5.	Коварный	6.	Неучливый
7.	Алчный	8.	Ленивый	9.	Отчужденный
10.	Аморальный	11.	Лживый	12.	Подлый
13.	Безжалостный	14.	Лицемерный	15.	Подозрительный
16.	Безликий	17.	Малокультурный	18.	Порочный
19.	Безответственный	20.	Меркантильный	21.	Презрительный
22.	Безразличный	23.	Надменный	24.	Склонный к рутине
25.	Беспринципный	26.	Не любит профессию	27.	Скользкий
28.	Бестактный	29.	Не общительный	30.	Скрытный
31.	Бесчувственный	32.	Невежественный	33.	Скупой
34.	Вероломный	35.	Невоздержанный	36.	Собранный
37.	Грубый	38.	Недобросовестный	39.	Угрюмый
40.	Двуликий	41.	Некомпетентный	42.	Упрямый
43.	Жадный	44.	Ненадежный	45.	Циничный
46.	Закрытый	47.	Неразборчив в средствах	48.	Черствый
49.	Замкнутый	50.	Несговорчивый	51.	Чинопочитатель
52.	Низкая самооценка	53.	Несправедливый	54.	Эгоистичный
55.	Заносчивый	56.	Несчастный	57.	Эгоцентричный
58.	Злобный	59.	Неуважительный		

Психологические характеристики коррупционера для удобства восприятия и оценки были сведены в несколько блоков. *Первый* блок — это система отношений коррупционера к окружающему миру, которая отражает его потребности, мотивы поведения, интересы, убеждения и мировоззрение. Здесь употребляются та-

кие характеристики личности, как жадный, аморальный, циничный, эгоистичный, чинопочитающий. *Второй* блок включает в себя задатки и способности человека: некомпетентный, неумелый, скользкий. *Третий* блок отражает психологические особенности поведения человека, такие как агрессивный, надменный, грубый, неучтивый, ненадежный, черствый, злобный. *Четвертый* блок включает морально-нравственные характеристики человека, среди которых можно отметить следующие характеристики: аморальный, подлый, двуликий, лживый, эгоистичный, коварный. *Пятый* блок включает эмоциональную оценку внутреннего мира коррупционера: несчастный, с низкой самооценкой, подозрительный, закрытый, замкнутый. *Шестой* блок — стилистические особенности поведения: малокультурный, бестактный, лицемерный. *Седьмой* блок отражает его отношение к работе: безответственный, безразличный, не любит свою профессию.

Исходя из приведенных характеристик личности коррупционера, можно говорить: во-первых, о преобладающем негативном отношении молодежи к коррупционерам; во-вторых: о возможности разработки социально-психологического портрета коррупционера, непосредственно с помощью опроса людей, признающих себя вступавшими в коррупционные отношения. Разработка методологических подходов, методов и методик, выявление и описание социально-психологического портрета коррупционера, конечно же, требуют дополнительных исследовательских усилий.

Далее представлены результаты, полученные по завершении предложения «Последствием коррупции являются...». Обработка полученных ответов позволила выделить 16 позиций (категорий), раскрывающих экономические, политические, правовые, социальные и психологические *последствия коррупции* в представлениях респондентов (таблица 2). Рассмотрим выявленные позиции.

Нерациональное расходование бюджетных средств. Респонденты высказывают следующие суждения: «деньги отдают «нужным людям», а не на решение проблем»; «важно, чтобы деньги вернулись в качестве «откатов», а куда они пошли — это второстепенный вопрос»; «даже те небольшие деньги, которые выделены на решение каких-то задач, разворовываются»; «воруют даже социальные деньги — у инвалидов, сирот, пенсионеров»; «главное «отбить» деньги, потраченные на покупку должности, а остальное им не интересно»; «деньги должны быть «распилены», а до дела никому нет дела».

Таблица 2. Отношение молодежи к социальным последствиям коррупции

№	Последствия коррупции	Всего(%)
1.	Нерациональное расходование бюджетных средств	60,7
2.	Разрушение эффективной конкурентной среды	40,9
3.	Рост теневой экономики	36,4
4.	Снижение инвестиций	35,2
5.	Отток квалифицированных кадров в другие страны	26,3
6.	Снижение собираемости налогов	22,3
7.	Неэффективное использование человеческих ресурсов	18,2
8.	Замедление экономического роста	16,6
9.	Повышение издержек товаропроизводителей и предпринимателей	13,0
10.	Препятствование естественному функционированию рыночной экономики	12,6
11.	Рост социального неравенства	10,5
12.	Увеличение социальной напряженности в обществе	8,9
13.	Снижение качества общественного сервиса со стороны государства	8,1
14.	Дисфункции системы государственного управления	4,9
15.	Снижение имиджа власти	3,6
16.	Снижение общественной морали	2,8

Разрушение эффективной конкурентной среды. В этой подгруппе ответов доминируют высказывания следующего характера: «выживает наиболее приближенный к бюджетным деньгам»; «монополии разрастаются, а малому бизнесу приходится выкручиваться самостоятельно»; «на фирмы, которые «не платят дань» совершаются постоянные «наезды»; «без «крыши» фирме сложно выжить»; «фермеры, которые, получают субсидии, ничего не делают, только отчеты пишут»; «строительный бизнес развивается за счет коррупции, а самостоятельно ни разрешение на строительство не получишь, ни инвестиций, ни контрактов, — вот и строят проходимцы, что попало и как попало».

Рост теневой экономики. Респонденты высказывают следующие суждения: «выгоднее откупаться, чем платить налоги и всякие там сборы, штрафы и т.п.»; «слишком высокие налоги, вот и отдают предприятия своим работникам зарплату в конверте, а у работников никакого выбора, — кругом безработица»; «лучше раз в год заплатить участковому (он все решит), чем все время платить государству»;

«несколько раз в день останавливают гаишники, если честно выплачивать все штрафы, то без машины можно остаться»; «за репетиторство лучше платить преподавателю: и дешевле, и оценку получишь».

Снижение инвестиций. Эта позиция сопряжена со следующими типичными высказываниями «никаких гарантий для бизнеса и долгосрочных инвестиций»; «что чиновнику в голову взбредет — то и закон»; «зачем вкладывать в Россию, если есть Китай»; «платить нужно ни за что-то конкретное, платить нужно все время»; «не заплатишь — не разрешат, а заплатишь — «не слезут» потом»; «в России без связей во власти или в правовых структурах только сумасшедший будет деньги в бизнес вкладывать»; «бизнес надо планировать с учетом коррупции, иначе разоришься».

Отток квалифицированных кадров в другие страны. Молодые люди высказываются следующим образом: «за границей за все то же самое, что делаешь в России, платят больше»; «здесь сложно делать карьеру, если у тебя нет хороших родственных связей»; «за границей платят за работу и создают достойные условия труда, а здесь все время надо пробиваться через бюрократию и нищету»; «в Газпром никогда не возьмут, потому что ты умный»; «здесь занять руководящую должность можно только через крупную взятку»; «все толковые ребята уезжают и правильно делают».

Снижение собираемости налогов. Честные налоговые выплаты представляются респондентам невозможными, в силу непродуманности налоговой политики и высоких налоговых ставок. Типичные высказывания носят следующий характер: «мелкий бизнес прячется, а крупный откупается»; «олигархам легче один раз заплатить за налоговые льготы депутату, чем каждый раз выплачивать налоги»; «да любой рядовой служащий в налоговой инспекции может решить твои проблемы с проверками»; «налоги в этой стране платят только рядовые служащие, да и только потому, что их удерживают до выдачи зарплат».

Неэффективное использование человеческих ресурсов (необоснованные затраты материальных и моральных ресурсов населения, в том числе и нерациональное использование их времени). Встречаются высказывания следующего характера: «Вы пробовали паспорт получить? А фамилию поменять? Да, конечно, лучше заплатить эти гроши «с вечера» и не пылиться в очередях»; «сколько времени потрачено на получение заграничного паспорта, никуда уже ехать не хочется...»; «пробовал сам получить водительские права...смешно, — пришлось заплатить»; «оформляли наследство, полтора месяца промучились...отдали риелторам...только пару подписей пришлось поставить...а сколько было времени по-

трачено, а сил и нервов...»; «проходил медосмотр, — полторы недели бегал, а другу его мама за один день «все поставила».

Замедление экономического роста. Рост коррупции одна из причин сложившейся негативной экономической ситуации в стране, считает часть респондентов, которым свойственны следующие высказывания: «уровень научно-технического развития страны близок к нулю»; «бороться нужно с реальными, а не надуманными причинами замедления экономического роста»; «чиновники делят портфели, и никого не волнует, что практически вся промышленность стоит»; «...и население, и бизнес, и производство «задыхаются» от постоянных увеличений тарифов на энергоснабжение»; «заработная плата «стоит», товары дорожают, зато чиновникам хорошо, — им хватает»; «никто не будет вкладывать в эту страну, даже мы сами»; «...они, наверное, думают, что чем выше процентные ставки в банках, тем эффективнее экономика»; «производительность труда резко падает вместе с уровнем зарплат, люди думают лишь о дополнительных приработках».

Повышение издержек товаропроизводителей и предпринимателей. Высказывания респондентов носят следующий характер: «друг держит свой бар, все время жалуется на постоянные проверки»; «есть свой бизнес недвижимости, всем плачу «по черному» в конвертах, иначе не имеет смысла этим заниматься».

Препятствование естественному функционированию рыночной экономики. Здесь присутствуют такие мнения: «с крупными фирмами конкуренции не выдержать, они могут заказать госпроверку, а с нашими противоречивыми законами не нарушающих фирм быть не может»; «если у человека нет неограниченных финансовых ресурсов и мощной структурной поддержки, бизнес не для него»; «из-за коррупции, мы никогда не сможем избавиться от монопольных цен и услуг».

Рост социального неравенства. Типичные высказывания носят следующий характер: «есть деньги — учишься в хорошей школе, нет денег — где получится»; «лежала в больнице в общей палате, рядом пустовала коммерческая за 2 500 рублей в день, плюс медсестра»; «тем, кто не успел принять участие в приватизации 90-х, на эти экономические высоты уже не подняться никогда»; «... или воруй, или живи на зарплату»; «у кого-то в 20 лет уже все есть, а у другого и в 50 ничего нет»; «происходит обнищание пенсионеров, да и работающих людей, — а у олигархов миллиарды».

Увеличение социальной напряженности в обществе. Эта позиция аргументируется следующими высказываниями: «сажать всех этих коррупционеров, — живут на народном добре»; «детские

сады, школы, вузы, больницы, суды, милиция — всем надо платить, платить и платить»; «кто-то работает с утра до ночи, а кто-то нефть качает из МОЕЙ страны»; «... почему газ стал чьим-то, может они его из собственных карманов закачивали в недра»; «безответственность олигархов недопустима, пусть платят социальные выплаты».

Снижение качества общественного сервиса со стороны государства. Высказываются следующие суждения: «в эти больницы заходить без ужаса невозможно»; «не понятно, чиновники нас должны обслуживать, или мы им на «корм» отданы»; «ощущение, что государство создано прессовать население, а не помогать своим гражданам».

Дисфункции системы государственного управления. Респонденты высказываются следующим образом: «демократичность наших выборов вдохновляет»; «чем больше денег, тем выше должность»; «говорят красиво, правильно, но не более...»; «политики все время обещают, но ничего не меняется»; «смотришь на наших пенсионеров, и стыдно за свою страну»; «олигархам позволено все, а народу — ничего: и о чем эти политики думают»

Снижение имиджа власти. Высказывания респондентов носят следующий характер: «кто может заплатить за заботу, о том государство и заботится»; «услышал про поддержку молодых предпринимателей, но ничего не смог получить»; «кто-то этот чиновничий произвол должен остановить?».

Снижение общественной морали. Приведем типичные высказывания по этой проблематике: «всем все равно»; «воруют не стесняясь, даже хвастаются потом»; «все давно привыкли, что чиновники только воруют, думают о своем кармане»; «с экрана все рассказывают, что нельзя брать взятки, а кто их берет-то, если не они сами»; «все берут, и я беру»; «за взятки никто не осуждает, — завидуют только»; «во всех религиях взятка осуждается, но все берут, и все молятся».

В завершение анализа можно сделать несколько *выводов*.

Представления молодежи о коррупции имеют типичные и индивидуальные особенности. К типичным особенностям представлений можно отнести негативную оценку разрушительного влияния коррупции на все уровни взаимодействия личности, групп, общества и государства.

К психологическим детерминантам коррупционного поведения респонденты относят личностные, поведенческие и нравственные характеристики коррупционера. Респонденты приводят более 50 оценочных психологических характеристик коррупционера, при этом среди них практически нет ни одной положительной оценки, учитывающей поведенческие или нравственные позиции.

В представлениях молодежи о коррупции находит свое отражение преимущественно бытовой уровень коррупции. Этот факт позволяет предположить, что респонденты рассуждают о коррупции с учетом жизненных ситуаций, с которыми им реально приходилось сталкиваться.

При таком подходе необходимо говорить о проблеме коррупции не только как о психологическом феномене, но и как политическом, экономическом и социальном (см. также: [18, 19 и др.]). Проблема будет иметь отсроченные последствия (в силу возрастных характеристик респондентов, которые только готовятся к самостоятельной жизнедеятельности) для будущего развития общества [3, 5, 10, 13 и др.].

Сложившаяся ситуация должна послужить основанием для разработки и создания *системы антикоррупционного просвещения* населения [2]. В таком случае, психологическая наука может реализовать одну из своих ведущих *социальных функций* — функцию конструирования социальных практик. Значимость данной функции отмечается многими ведущими психологами: «...социальные практики актуальны для психологии как предмет изучения и как объект практического воздействия, минимальным вариантом которого является встраивание психологического знания в соответствующие практики, максимальным — их реорганизация на его основе» [14, с. 5].

Особого внимания психологов заслуживает и юридическая практика, которая без учета социального и психологического знания становится недостаточно эффективной и создает социально нецелесообразные и «не работающие» законы. Эти практические задачи не могут быть решены силами лишь самих психологов без привлечения высококвалифицированных юристов с опытом соответствующей практической деятельности. Также не может быть речи об эффективном антикоррупционном просвещении населения, реализуемом без учета личностных, групповых и ситуационных особенностей развития человека, без учета возрастных, гендерных, этнических и иных его особенностей.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Акмеологическое понимание субъекта // Основы общей и прикладной акмеологии. М., 1995.
2. Гармаев Ю. П., Китова Д.А. Экономико-правовая компетентность личности: проблемы формирования в условиях рыночных преобразований // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2015. № 9. С. 56-58.

3. Грачев А.А. Терминальный образ в регуляции поведения человека // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. С. 75–86.
4. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
5. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Перспективы психологии в решении задач российского общества. Часть III. На пути к технологиям согласования социальных институтов и менталитета // Психологический журнал. 2013. Т.34. № 6. С. 5–25.
6. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012а. № 2. С. 56–65.
7. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Нравственность современного российского общества: психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012б. С. 294–322.
8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012в. № 1. С. 8–21.
9. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 63–71.
10. Журавлева Н.А. Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
11. Китова Д.А., Егизов У.С. Психологические особенности коррупционных представлений молодежи // Вестник Университета РАО. 2015. № 4. С. 50–54.
12. Китова Д.А., Найманова Б.А. Правовые аспекты в представлениях студентов о способах достижения экономического благополучия // Вестник Университета РАО. 2016. № 1. С. 83–87.
13. Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е. Нравственное самоопределение молодежи. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
14. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
15. Мясищев В.Н. Психология отношений. Воронеж, МПСИ, 2004.
16. Нестик Т. А. Коррупция и культура // Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. 2002. № 4 // URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/3/n4-05.html> (дата обращения: 26.05.2016).
17. Позняков В. П. Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности//Знание. Понимание. Умение. 2013. №1. С. 167–213.
18. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013а. № 4 (67). С. 6–16.
19. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013б. № 2. С. 8–24.
20. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ, 2014.
21. Социальная психология: Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2002.
22. Социальная психология экономического поведения. М.: Наука, 1999.
23. Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
24. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 57–66.
25. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2, 3. С. 81–92.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАУНШИФТИНГА НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ¹

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF DOWNSHIFTING ON THE BASIS CONCEPT
SUBJECTIVE QUALITY OF LIFE

Рябов Владимир Борисович — старший научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН Института психологии РАН, кандидат технических наук.
E-mail: v.ryabov@aog.ru

Ryabov Vladimir Borisovich, senior researcher of the laboratory of occupational psychology, ergonomics, engineering and organizational psychology Institute of psychology RAS, PhD (in technical sciences). E-mail: v.ryabov@aog.ru

Аннотация: предлагается подход к анализу психологического механизма дауншифтинга на основе модели субъективного качества жизни, в основе которой лежат критерии эмоциональной и рациональной удовлетворенности-неудовлетворенности жизнью. Необходимым условием дауншифтинга является низкий уровень эмоциональной удовлетворенности жизнью, при этом уровень рациональной удовлетворенности ею может находиться на относительно высоком уровне. Важным элементом анализа дауншифтинга является изменение такой компоненты субъективного качества жизни как человеческий потенциал, определяющий оценку дауншифтинга субъекта его социальным окружением.

Abstract: we propose an approach to the analysis of the psychological mechanism of downshifting on the basis of the model of subjective quality of life. The model of subjective quality of life criteria are emotional and rational satisfaction-dissatisfaction with life. A necessary condition for downshifting is a low level of emotional life satisfaction, while the level of rational life satisfaction may be at a high enough level. An important element of objective analysis of downshifting is the change of a human potential as a component of subjective quality of life, which determines the rating of downshifting with social environment of the subject.

Ключевые слова: дауншифтинг, субъективное качество жизни, нормативная модель, удовлетворенность жизнью, человеческий потенциал, субъективное благополучие.

Key words: downshifting, subjective quality of life, normative model, life satisfaction, human potential, subjective well-being.

¹ Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2017-0010

Введение

Понятие «карьер» в большинстве случаев связывают с повышением профессионального и должностного статуса, уровня материального благополучия, престижности работы и прочих социально культивируемых характеристик успешности человека в обществе. Тем не менее, в последнее время получило распространение такое явление, как дауншифтинг, которое характеризуется отказом от такого поступательного развития карьеры, от своего высокого статуса, уровня и стиля жизни, определяемого и зачастую навязываемого обществом, ради иных жизненных ценностей, прежде всего семьи, хобби, психологического комфорта и заботы о собственном здоровье. Буквальный перевод с английского языка слова дауншифтинг (downshifting) означает переключение на более низкую передачу при управлении движением автомобиля. Человек, совершающий акт дауншифтинга, совершенно неожиданно и, казалось бы, вопреки здравому смыслу, бросает высокооплачиваемую престижную работу, меняет комфортную жизнь со всеми удобствами в городе на гораздо менее благоустроенную жизнь в сельской местности или совершает другие действия, коренным образом меняющие его образ жизни. И в этом радикальном изменении вполне может проявляться так называемая ценностно-смысловая рациональность поведения человека [8].

Первый естественный вопрос, который возникает при анализе рассматриваемого явления, — это вопрос о причинах, по которым человек идёт на дауншифтинг, о том, какие для этого необходимы условия и предпосылки. Нередко в результате дауншифтинга возникает конфликтная ситуация с ближайшим окружением человека, который его совершает (семья, родственники, друзья, коллеги по работе). В этой связи возникает вопрос о возможности учёта негативных последствий и нахождения компромиссного решения в ситуации принятия решения о дауншифтинге. Поэтому такой конфликт также необходимо включить в предмет анализа ситуации дауншифтинга. И, наконец, необходимо определить факторы «застревания» человека в новом состоянии и условия его возврата к прежней жизни в случае неблагоприятного исхода дауншифтинга. Ниже рассматривается предложенный нами подход к анализу психологического механизма дауншифтинга на основе модели субъективного качества жизни, разрабатываемой нами. Использование концепции субъективного качества жизни позволяет подойти к разработке модели психологического механизма дауншифтинга и проводить на её основе целостный анализ этого явления.

Структура модели субъективного качества жизни

Начиная с 2006 года, мы разрабатываем концепцию субъективного качества жизни, методов и моделей его изучения. Первоначально это были разработки методов и моделей качества трудовой жизни [14, 16-19, 22]. Но поскольку модели субъективного качества жизни и качества жизни в отдельных жизненных сферах (трудовая, семейная, личная и др.) имеют сходную структуру, разработки в области качества трудовой жизни позволили успешно их использовать для других сфер жизни, а также модели субъективного качества жизни в целом. Нормативная модель субъективного качества жизни в целом подробно рассмотрена в специальных публикациях [23, 24].

В основе нашей концепции субъективного качества жизни лежит положение о том, что основной доминантой поведения человека является его осознанное и неосознанное стремление к сохранению и повышению существующего качества собственной жизни в своём субъективном понимании. Это утверждение, по существу, представляет собой аксиому, которая лежит в основе концепции субъективного качества жизни. По нашему мнению, оно имеет характер общепсихологической закономерности, в том числе позволяет дать объяснение психологического механизма дауншифтинга. Кратко остановимся на тех компонентах этой модели, которые позволяют дать такое объяснение и провести анализ психологического механизма этого явления.

Поскольку субъективное качество некоторого объекта определяется его способностью удовлетворять потребности человека, в основе модели оценки человеком качества своей жизни лежат его потребности, а критериями субъективной оценки качества жизни являются характеристики удовлетворенности человека своей жизнью. В трудовой жизни этот критерий конкретизируется как *удовлетворенность* человека работой [1, 2, 4]. По сравнению с другими исследователями, использующими для оценки субъективного качества жизни критерии удовлетворенности жизнью и счастья, мы предложили следующие четыре относительно независимых критерия:

- уровень рациональной удовлетворенности человека своей жизнью,
- уровень его рациональной неудовлетворенности жизнью,
- уровень эмоциональной удовлетворенности жизнью,
- уровень эмоциональной неудовлетворенности жизнью.

Разделение критерия удовлетворенности жизнью было нами выведено по аналогии со шкалами удовлетворенности работой в двухфакторной модели Ф. Герцберга [3], который при исследовании условий удовлетворенности людей своей работой экспериментально получил деление этих условий на две больших группы. Первая группа, названная им *мотивирующими* условиями, характеризуется повышением уровня удовлетворенности работой при улучшении этих условий. Условия второй группы характеризуются тем, что их низкие уровни вызывают неудовлетворенность работой, а при достижении ими некоторого критического уровня неудовлетворенность снимается и при дальнейшем повышении никак не изменяется. При этом изменение уровня этих условий, которые были названы «*гигиеническими*», никак не влияет на удовлетворенность работой. Таким образом, Герцберг сделал заключение о наличии двух оценочных шкал: шкалы удовлетворенности и шкалы неудовлетворенности работами.

Разделение критериев удовлетворенности на рациональные и эмоциональные было нами сделано в связи с тем, что исследователи качества жизни используют в виде оценочных критериев, наряду с удовлетворенностью жизнью, критерий уровня переживания человеком состояния счастья [7]. Мы решили более четко сформулировать деление критериев удовлетворенности и неудовлетворенности на рациональную и эмоциональную составляющие. Рациональные критерии определяют оценку человеком уровня его благополучия-неблагополучия, а эмоциональные — уровень субъективной оценки счастья — несчастья.

Заметим, что феномены и понятия субъективного благополучия и субъективного качества жизни чётко разделяются. *Субъективное благополучие* связано с рациональной удовлетворенностью человека жизнью, которая в основном определяется условиями жизни, в то время как *субъективное качество жизни* включает эмоциональную удовлетворенность ею, которая в предельном состоянии определяется как счастье.

Система потребностей человека определяет его жизненную миссию, или жизненное предназначение, которое может им осознаваться или не осознаваться. Миссия лежит в основе осмысленности жизни человека, а также определяет стратегии его жизни. Человек использует имеющиеся у него внешние и внутренние ресурсы для успешного осуществления жизненных стратегий, а также для собственного выживания и поддержания своего жизнеспособного состояния.

Ресурсы, которые человек задействует в своей жизнедеятельности, определяются условиями жизни, которые делятся на *условия развития* и на *обеспечивающие условия*. В терминологии Герцберга, они соответствуют мотивирующим и гигиеническим условиям. В группах условий развития и обеспечивающих условий мы выделяем *ценностные условия развития*, т.е. те, которые наиболее важны для человека.

Помимо этого, для оценки субъективного качества жизни необходимо ориентироваться на оценку человеческого потенциала [7]. *Человеческий потенциал* — это система характеристик процесса и условий жизни человека, обеспечивающих его выживание и развитие как видового представителя человечества. Считается, что эти характеристики определяют сформировавшиеся социальные нормы и правила поведения и образа жизни. В конкретной организации характеристик человеческого потенциала определяются требованиями корпоративной культуры [5, 6, 10, 12, 13, 15]. Периодически эти нормы и правила претерпевают изменения, но, тем не менее, они достаточно консервативны. Типичными требованиями и ограничениями, определяющими характеристики человеческого потенциала, являются культурные, религиозные требования к человеку, например, христианские заповеди. В области семейной жизни требования к человеческому потенциалу определяются необходимостью воспроизводства человека, созданием условий для воспитания, образования и социализации полезного для общества и здорового человека.

Психологические причины феномена дауншифтинга

Используя рассмотренную модель субъективного качества жизни, попытаемся сначала ответить на вопрос, что является основной причиной, побуждающей человека совершить акт дауншифтинга, какие для этого необходимы условия и предпосылки. Эмпирические исследования субъективного качества жизни показывают, что эмоциональная удовлетворенность жизнью (счастье) имеет значительно больший вес, по сравнению с рациональной удовлетворенностью жизнью, в общей оценке человеком качества своей жизни. Он зачастую готов мириться с низкой рациональной удовлетворенностью, которая может находиться на минимальных уровнях жизнеобеспечения, если при этом эмоциональная удовлетворенность находится на высоком уровне. Так, например, если человек чрезвычайно увлечен своей работой, она ему интересна (высокий уровень эмоциональной удовлетворенности), то он готов

оставаться на ней, несмотря на неудовлетворенность отдельными важными условиями труда, например, зарплатой (низкий уровень рациональной удовлетворенности). Он остается на этой работе даже если имеет предложения перейти на другую, более высокооплачиваемую, но неинтересную (высокий уровень рациональной удовлетворенности, низкий уровень эмоциональной удовлетворенности).

Таким образом, первую рабочую *гипотезу* о причине дауншифтинга можно сформулировать следующим образом: человек идёт на дауншифтинг в поисках эмоциональной удовлетворенности жизнью. При этом человек склонен совершить акт дауншифтинга, даже если его жизнь характеризуется высоким уровнем рациональной удовлетворенности. Если при этом имеет место умеренная эмоциональная неудовлетворенность, то она, как правило, не играет здесь важной роли (если, конечно, её уровень не чрезмерно высокий). Иными словами, решающую роль потенциальной готовности человека к дауншифтингу играет низкий уровень эмоциональной удовлетворенности существующей в настоящее время жизнью.

Ещё раз отметим, что многие исследователи ставят знак равенства между понятиями качества жизни и благополучия. Анализируя при этом дауншифтинг, они говорят, что человек в этой ситуации отказывается от высокого уровня качества жизни. Мы же исходим из того, что понятия субъективного качества жизни и благополучия принципиально различаются: субъективное качество жизни характеризуется эмоциональной и рациональной составляющими удовлетворенности жизнью в то время, как субъективное благополучие характеризуется только когнитивной удовлетворенностью жизнью. При этом дауншифтинг наблюдается именно в ситуациях высокого уровня субъективного благополучия и при низком уровне эмоциональной удовлетворенности жизнью. Человек страдает от отсутствия положительной эмоциональной удовлетворенности даже если он обеспечен всеми жизненными благами. Как следствие, успешный бизнесмен прерывает карьеру, бросает свою внешне благополучную жизнь и начинает новую, где-нибудь в сельской местности. Кстати, общение человека с природой, как правило, приносит ему много положительных эмоций.

Таким образом, низкий уровень эмоциональной удовлетворенности человека жизнью в течение достаточно продолжительного времени представляет собой необходимое условие дауншифтинга и определяет потенциальную готовность человека к нему.

При этом он склонен совершить акт дауншифтинга, даже если его жизнь характеризуется высоким уровнем рациональной удовлетворенности. Если при переходе в новое состояние человек приобретает высокий уровень эмоциональной удовлетворенности, то он сохраняется в новом состоянии, даже если условия рациональной удовлетворенности (субъективное благополучие) находятся на низком уровне.

В соответствии с данной моделью, в число причин, которые вызывают снижение эмоциональной удовлетворенности жизнью, могут входить:

- потеря смысла, связанного с устоявшимися процедурами, регламентами, правилами и т.п. жизни, т.е. с существующим процессом и стилем жизни;
- изменение ценностной структуры, определяющей как ценностные условия развития, так и ценностные условия сохранения;
- истощение ресурсов, необходимых для развития.

Положительный и отрицательный дауншифтинг. Причины «застывания» в отрицательном дауншифтинге

Следующий вопрос, на котором необходимо остановиться и рассмотреть на основе нашей модели: как дифференцировать дауншифтинг со знаком «плюс» от дауншифтинга со знаком «минус», т.е. благоприятный для человека дауншифтинг от того, который оказывает на него негативное и даже разрушающее воздействие?

Модальность перехода человека к новому образу жизни в результате совершения им акта дауншифтинга может быть определена с помощью анализа такой компоненты модели субъективного качества жизни, как человеческий потенциал. Человеческий потенциал — это уровень развития индивидуальных, личностных, физических, биологических, профессиональных, социальных и других качеств человека, значимых для него самого и общества в целом, обеспечивающих, в конечном счете, общую выживаемость и развитие человечества и повышающих качество жизни людей, отдельных его составляющих (Зараковский, 2009). Повышение уровня качества жизни, как объективного, так и субъективного, как рациональной, так и эмоциональной его составляющих должно идти согласованно с повышением человеческого потенциала, т.е. должно отвечать задаче выживания и развития человека как вида. В противном случае повышение уровня субъективного качества жизни может вести к деградации человека и человечества.

Таким образом, при анализе субъективного качества жизни человека, хотя бы на качественном уровне, необходимо контролировать динамику изменения характеристик человеческого потенциала при изменениях субъективного качества жизни под влиянием каких-либо ее условий, образа жизни или управляющих воздействий. Иными словами, индивидуальный потенциал человека выступает характеристикой внешнего контроля субъективного качества жизни и не должен снижаться в процессе стремления человека повышать свой уровень удовлетворенности жизнью и счастья.

При анализе дауншифтинга мы рассматриваем оценку человеческого потенциала с позиции двух субъектов: со стороны самого человека, осуществляющего дауншифтинговый переход к новому образу жизни, и со стороны внешних по отношению к нему субъектов, которых косвенно или прямо затрагивает этот переход. Это могут быть ближайшие родственники, семья, друзья, знакомые, коллеги по работе и др.

В соответствии с нормативной моделью субъективного качества жизни развитие человека должно осуществляться в направлении повышения организационного и личностного человеческого потенциала. Контроль человеческого потенциала и динамики его развития осуществляется по соответствию или несоответствию изменения характеристик человеческого потенциала нормам, правилами и задачам функционирования организационной системы, в которую человек входит как элемент, обеспечивающим сохранность этой системы, её выживаемость и развитие. Такой организационной системой может быть семья, производственная организация, более широкий социум, в который входит человек, и, наконец, государство [9, 11; и др.].

Возможными примерами снижения уровня человеческого потенциала, соответствующего негативному дауншифтингу, могут быть: вред для физического или психического здоровья, опасность для социального окружения, деградация личности, снижение умственных способностей и снижение диапазона жизненных интересов, потеря материальных ресурсов, выпадение человека из общественной жизни, утрата положительных жизненных ориентиров, ценностей и др. Как своеобразную форму негативного дауншифтинга в сфере семейной жизни можно рассматривать уход человека из семьи. Примерами повышения человеческого потенциала, сопровождающего положительный дауншифтинг, могут быть, например, восстановление физических или психических ресурсов человека, уход пожилого человека на пенсию для воспитания внуков, осуществления своей мечты и т.д.

Важную роль в оценке качества жизни играет наличие осмысленности жизни, которая проявляется в форме, аналогичной понятию миссии, разработанного в теории менеджмента. Это понятие может быть аналогичным осознанию человеком своего предназначения, пониманию того, для чего он живет, что он должен делать, чтобы его жизнь имела смысл, была бесполезна ни ему самому, ни окружающим его и значимым для него людям. Миссия человека тесно связана с его потребностями. Она, с одной стороны, определяет часть этих потребностей, а с другой — формируется на их основе. Само по себе наличие смысла жизни, по существу, представляет собой одну из важнейших потребностей человека. Его наличие определяет направленность активности, содержание самореализации, жизненную стратегию человека. Ценностный и потребностный компоненты качества жизни проявляются именно в осуществлении самореализации человека в процессе его жизни, которая проявляется в виде *жизненной стратегии*. Мы выделяем стратегию жизни как важный элемент модели формирования человеком субъективного качества жизни [21]. Такие компоненты этой модели, как смысл жизни, миссия человека и связанные с ними самореализация и стратегия жизни представляют собой важнейшие элементы *психологической защиты* от негативных форм дауншифтинга, которую человек может вырабатывать самостоятельно, но именно их надо учитывать при разработке государственных программ развития общества.

Профилактика негативного дауншифтинга заключается в формировании условий жизни, обеспечивающих положительную эмоциональную удовлетворенность жизнью. Это даже гораздо важнее формирования условий рациональной удовлетворенности, и, как следствие, благополучия человека. К числу возможных направлений, обеспечивающих такую профилактику, можно отнести:

- создание условий самореализации человека;
- психотерапевтическая работа с жизненными смыслами;
- организация специальных мероприятий, вызывающих и сохраняющих яркие положительные эмоции и чувства;
- положительная обратная связь в межличностном взаимодействии, вдохновляющее руководство в управленческом взаимодействии и т.д.

Специальных усилий и ресурсных затрат требует формирование условий жизни в целом и в отдельных её сферах (трудовой, семейной, социальной), обеспечивающих положительную эмоциональную удовлетворенность человека. Например, в трудовой жизни, помимо разного рода корпоративных «праздников», бо-

лее важным является создание условий самореализации человека в труде. В семейной жизни, наряду с выполнением хозяйственных и прочих обязанностей, следует периодически создавать атмосферу семейного праздника, использовать свои творческие способности для того, чтобы приятно удивлять своего партнера по семейной жизни, осуществлять совместные, интересные для всех членов семьи мероприятия и т.п.

Работа со смыслами, направленная на формирование защитных механизмов от негативного дауншифтинга, также требует значительных внутренних и внешних ресурсов и должна быть специально организована [6].

Попав в другую реальность, которая, по сравнению с предыдущей жизнью, вызывает у человека яркие эмоциональные переживания, он склонен «застревать» в новой жизни. Человек с большей вероятностью сохранится в новом состоянии, в которое он перешёл в результате «бегства» из старого, в том случае, если при переходе в новое состояние человек приобретает источники постоянной эмоциональной удовлетворенности. Это происходит даже в том случае, если условия рациональной удовлетворенности при этом (субъективное благополучие) находятся на низком уровне. Кроме того, сохранение этого состояния нередко сопровождается низкими ресурсными затратами — это является дополнительным фактором, препятствующим выходу из него. Компоненты внутренних и внешних ресурсов также входят в нормативную модель субъективного качества жизни и могут быть использованы при анализе психологического механизма дауншифтинга.

Обсуждение результатов и заключение

Анализ феномена дауншифтинга на основе модели субъективного качества жизни позволяет, с одной стороны, подойти к разработке модели и психологического механизма дауншифтинга, а с другой — обогатить модель субъективного качества жизни новым содержанием. Проведенный анализ показывает гораздо большую значимость эмоциональной удовлетворенности, нежели рациональной в общей оценке человеком качества своей жизни.

Основная рабочая гипотеза о психологической готовности человека к дауншифтингу заключается в следующем: необходимым условием дауншифтинга является недостаточный уровень эмоциональной удовлетворенности человека жизнью. Если при переходе в новое состояние человек получает положительное эмоциональное подкрепление, и это состояние в течение продолжительного

времени поддерживается, то он продолжает жить в новых условиях, даже если рациональная удовлетворенность жизнью (субъективное благополучие) находится на относительно низком уровне.

Положение о том, что психологическую готовность к дауншифтингу демонстрируют люди, «удовлетворенные своей жизнью», косвенно подтверждает исследование Д.В. Сочивко и В.Э. Чубич, проведенное на курсантах Академии ФСИН России. В результате этого исследования была выделена группа курсантов, показавших выраженный внутренний конфликт, склонность к самообвинению и при этом высокую удовлетворенность жизнью и высокую итоговую оценку качества жизни [25, с. 65]. Мы предполагаем, что, если бы для объяснения результатов исследования авторы использовали модель субъективного качества жизни, то смогли бы обнаружить, что в этой группе представлены респонденты, демонстрирующие низкий уровень положительной эмоциональной удовлетворенности жизнью, и не представлены люди с высоким уровнем эмоциональной удовлетворенности ею. Такое предположение, конечно, нуждается в дополнительной эмпирической проверке.

Вторая проблема, которую затрагивает рассмотрение дауншифтинга, — необходимость уточнения содержания понятия «человеческий потенциал». Ранее предполагалось, что его содержание определяется системой, в которую входит рассматриваемый субъект как ее элемент. При этом считалось, что это содержание может быть объективировано и определено путем анализа того, что нужно для выживания и нормального развития системы более высокого уровня иерархии. Однако рассмотрение феномена дауншифтинга заставляет критически переосмыслить правомерность такого понимания человеческого потенциала. Действительно, человек, осуществляющий дауншифтинг, разрушает сложившиеся нормы и представления о «правильном» направлении развития человека. С одной стороны, это может привести к деструктивным изменениям в социальной системе, в которую он входит. С другой стороны, он своим «аномальным» поведением может продемонстрировать возможные пути выхода этой социальной системы из кризисного состояния или тупикового направления развития. Можно привести примеры, когда социальная система навязывает человеку нормы, правила и стандарты, которые на определенных этапах развития общества ведут не к ее развитию, а к её деградации. Мы предполагаем, что на современном этапе такими разрушающими стандартами могут быть, например, ориентация населения на непрерывный и неограниченный рост потребления, культивирование денег как высшей ценности, на которую надо ориентироваться, и т.д.

Безусловно, эти вопросы требуют ответов, и совместный анализ субъективного качества жизни и явления дауншифтинга позволит осуществить дальнейшее развитие модели субъективного качества жизни, а также разработать отдельные компоненты, такой как человеческий потенциал, который входит в эту модель.

Говоря о дауншифтинге, необходимо сделать еще одно важное замечание. Жизнь человека состоит из разных предметных областей, «жизненных сфер», таких как трудовая, личная, семейная, общественная и др. Отдельные сферы занимают разное место в общей жизни человека и по-разному с ней сопрягаются. Соответственно, общая оценка качества жизни человеком определяется, во-первых, значимостью отдельных сфер жизни для него и, во-вторых, частными оценками качества отдельных сфер жизни. Таким образом, общая модель субъективного качества жизни может быть представлена как суперпозиция моделей с близкой структурой для отдельных жизненных сфер (трудовая, семейная, личная и проч.), но с разными весовыми коэффициентами, соответствующими субъективной значимости конкретной сферы для человека. Здесь важно отметить, что человек может совершить акт дауншифтинга как в жизни в целом, так и в отдельной её сфере. В таком смысле можно рассматривать, например, выход человека на пенсию и уход его из трудовой деятельности, а в ряде случаев — как своеобразный вынужденный дауншифтинг, который можно анализировать с помощью предложенного выше подхода. Конечно, кардинальное изменение условий в одной из сфер жизни человека вызывает определенную динамику и в других ее сферах и требует гармонизации субъективного качества жизни в рамках общей модели.

И, наконец, последнее замечание, касающееся конкретизации понятийного аппарата. Анализ явления дауншифтинга на основе разрабатываемой модели субъективного качества жизни наглядно демонстрирует, во-первых, различия между понятиями субъективного качества жизни и субъективного благополучия. Об этом уже говорилось выше. Во-вторых, такое рассмотрение показывает различие между понятиями субъективного и объективного качества жизни [22]. Объективный феномен включает в себя наиболее распространенные на большой выборке людей характеристики и факторы жизни. Они могут потенциально влиять или не влиять на оценку конкретным человеком качества своей жизни. Более того, реально человек может использовать в своих представлениях и другие субъективно важные для него характеристики, которые априорно не были учтены в модели объективного качества жизни.

Заметим, что изучение объективного качества жизни соответствует задачам социально-экономического и социологического исследования, в то время как изучение субъективного качества жизни соответствует задаче психологического исследования. При этом характеристики и факторы объективного качества могут быть эффективно использованы при разработке методического инструментария в исследованиях субъективного качества жизни. Процедура создания такого методического инструментария была нами использована при исследовании субъективного качества трудовой жизни [18, 20].

В заключение ещё раз отметим, что на основе модели субъективного качества жизни и результатов дальнейших эмпирических исследований может быть разработана психологическая модель дауншифтинга, позволяющая анализировать его психологический механизм и решать важные научно-практические задачи, стоящие перед современными обществом в целом и каждым конкретным человеком.

Литература

1. Бодров В.А. Удовлетворенность работой как социальная и психологическая детерминанта профессиональной пригодности субъекта труда // Социальная психология труда: Теория и практика. Том 1. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2010. С. 140–160.
2. Бодров В.А., Журавлев А.Л. Методологические принципы и результаты фундаментальных исследований профессиональной деятельности // Проблемы психологии и эргономики. 2003. Вып. 2 (23). С. 64–69.
3. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1995.
4. Грачев А.А. Организационные факторы удовлетворенности трудом и жизнью рабочих и служащих // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2008. № 62. С. 225–230.
5. Дикая Л.Г., Журавлев А.Л., Занковский А.Н. Современное состояние и тенденции развития психологии труда и организационной психологии // Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 9–24.
6. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Некоторые тенденции развития отечественной социальной психологии труда // Социальная психология труда: Теория и практика. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 13–35.
7. Зарковский Г.М. Качество жизни населения современной России: Психологические составляющие. М.: Смысл, 2009.
8. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Ценностно-смысловая рациональность экономического поведения населения современной России // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 15–23.

9. Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
10. Национальная программа «Российская деловая культура». М.: ТПП РФ, 1997.
11. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
12. Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
13. Рябов В.Б. Корпоративная культура и информационные технологии управления организацией на основе «ситуационной комнаты» // Современные проблемы психологии управления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 326–341.
14. Рябов В.Б. Качество трудовой жизни в структуре качества жизни // Материалы итоговой научной конференции Ин-та психологии РАН (1–2 февраля 2006 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 189–200.
15. Рябов В.Б. Корпоративная культура как гигиеническое условие качества трудовой жизни // Культура и поведение в организации: российский опыт. М.- Набережные Челны: ИП РАН; Изд-во Института управления; РЭА им. Г.В.Плеханова, 2008. С. 141–148.
16. Рябов В.Б. Качество трудовой жизни и его восприятие человеком // Материалы итоговой научной конференции Ин-та психологии РАН (12–13 февраля 2009 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 151–166.
17. Рябов В.Б. Качество трудовой жизни как конструкт согласования интересов работников и интересов организации // Социальная психология труда: Теория и практика. Том 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 214–231.
18. Рябов В.Б. Гуманитарная технология организационного проектирования и развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
19. Рябов В.Б. Модели качества трудовой жизни // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013а. С. 382–398.
20. Рябов В.Б. Использование когнитивных карт для прогнозирования реакции персонала организации на принятие управленческих решений // Экспериментальная психология. 2013б. Том 6. № 3. С. 110–121.
21. Рябов В.Б. Стратегия трудовой жизни как характеристика самореализации человека в труде // Прикладная юридическая психология. 2013в. № 4. С. 113–118.
22. Рябов В.Б. Объективное и субъективное качество трудовой жизни // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции. Том 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013г. С. 489–493.
23. Рябов В.Б. Структура нормативной модели субъективного качества жизни // Наука. Культура. Общество. 2015а. № 2. С. 38–49.
24. Рябов В.Б. Подход к построению нормативной модели субъективного качества жизни // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 7. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015б. С. 268–287.
25. Сочивко Д. В., Чубич В. Э. Психодинамика удовлетворенности жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–67.

Балабанова Е.С.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

SOCIAL ACTIVITY OF YOUTH AS A SUBJECT OF RESEARCH IN NATIONAL
SOCIAL PSYCHOLOGY

Балабанова Екатерина Светославовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной и этнической психологии Московского гуманитарного университета.

E-mail: ekaterinasvet@inbox.ru

Balabanova Ekaterina Svetoslavovna, candidate of psychological sciences, docent, docent of social and ethnic psychology departments of Moscow University for the Humanities.

E-mail: ekaterinasvet@inbox.ru

Аннотация: Рассмотрены основные направления исследований социальной активности молодежи в отечественной психологии. Проанализированы основные позиции по отношению к структуре и содержанию этого феномена, обобщены подходы к исследованию социальной активности, обоснована необходимость интеграции научных представлений об активности личности и разработки психологической теории социальной активности.

Abstract: This article describes the main directions of research of social activity of youth in national psychology. Analyzed the main approaches to the understanding of the structure and content of this phenomenon. Based on the conducted analysis, the author summarizes the points of view and approaches to the study of social activity and the necessity of integration of scientific views on the individual's activity in the psychological theory of social activity.

Ключевые слова: Социальная активность, лидерство, направленность личности, мотивация, социально-значимая деятельность

Keywords: Social activity, leadership, personal orientation, motivation, socially-significant activity

Социальная активность молодежи являлась актуальным предметом психологических исследований в разные исторические периоды. Динамика научных представлений и основных направлений исследований феномена социальной активности молодежи обусловлена тенденциями развития нашей страны [3, 17, 20; и др.]). Специфика политических, экономических и социальных от-

ношений в обществе в тот или иной исторический период определяла основные траектории социализации молодежи, которая проходила в разных государственно-общественных системах и в разных социально-психологических пространствах [5, 7; и др.].

Таким образом, феномен социальной активности связан с осознаваемым, целенаправленным взаимодействием личности и социума и имеет сложное социально-психологическое содержание. В конкретных формах социальной активности (лидерство, организаторская деятельность, добровольчество, молодежный парламентаризм, самоуправление) раскрываются специфика самоопределения и субъектные качества личности, и проявляется система отношений к окружающей действительности [12, 16, 21; и др.].

Анализ исследовательских тенденций в работах отечественных психологов, изучавших психологическую структуру, формы, уровни, мотивы социальной активности в молодежных коллективах, необходим в контексте изучения представлений об активной личности, которые были сформированы в обществе в различные периоды развития нашего государства, а также с учетом включенности молодых людей в разные социальные группы и особенностей их совместной деятельности.

Проведенные в разное время исследования социальной активности молодежи показывают, что в ее психологической структуре присутствуют существенные различия в мотивационно-ценностном компоненте, связанные с особенностями ценностных и смысловожизненных ориентаций, направленностью личности и группы, соотношением личностных и групповых мотивов, специфическими формами активности личности, обусловленными видами социальной деятельности [10; и др.].

Главные критерии социальной активности молодежи, сформулированные в подходах к ее изучению и формированию в разные годы XX–XXI веков, различались, однако всех их объединяло понимание социальной детерминации активности и развития социальной активности личности через ее *включение в социальную деятельность*. Так, впервые попытка дать социальную характеристику личности через проявление ее активности была предпринята в психологии В.М. Бехтеревым, К.Н. Корниловым, П.П. Блонским и др. При всем различии их взглядов, общим в их подходах было то, что, рассматривая социальную активность даже с позиций физиологии, в качестве доминирующего фактора они определяли общественную среду.

В этот же период отечественные психологи Е.А. Аркин, А.С. Залужный, Д.Б. Эльконин и др. интересовались проблемой лидер-

ства (вожачества). Всесторонне изучались личность и типы лидеров, организованность детского коллектива, где в качестве ее важного показателя выделялось наличие в группе активных опытных вожаков, проявляющих социальную инициативу.

Идеологические тенденции в нашей стране в конце 30-х гг. XX века серьезно повлияли на ход социально-психологических исследований социальной активности и лидерства, которые фактически были приостановлены до середины 60-х годов.

Однако проблемы включения молодежи в социальную деятельность и социальной активности в 30-е гг. XX века изучались с педагогических позиций и имели научные результаты, значимые для социальной психологии.

Психолого-педагогический подход, предложенный А.С. Макаренко, основывался на подготовке организаторов (актива с лидерами разных типов), введении самоуправления и *системы внутриколлективных зависимостей*. Коллектив при этом являлся главным фактором развития организаторских способностей личности. В таком коллективе каждый воспитанник влиял на жизнедеятельность группы, принимая активное участие в ней. Система правил и обязанностей определяли социальную позицию каждого члена группы, а система коллективных зависимостей создавала определенную мотивацию к проявлению активности в группе.

Среди других педагогических концепций, связанных с пониманием природы и воспитанием социальной активности, вызывает интерес подход Сухомлинского, основанный на положении о том, что социальная активность школьников развивается в их практической деятельности. Идея В.А. Сухомлинского заключалась в организации жизни школы как *среды, стимулирующей развитие активности детей*, где основу активности составлял творческий труд. Ребенок должен быть включен в практическую деятельность и выражать себя в выполнении нравственного долга, жить заботами о других людях. Он считал необходимым добиваться того, чтобы мотивы детской радости или печали были вызваны заботой о другом человеке; чтобы ребенок переживал сочувствие, тревогу о благе других людей, и главное, чтобы эти переживания побуждали его к деятельности.

В 50-е годы XX века в русле педагогики сотрудничества развиваются идеи воспитания социально активной личности через *коллективную творческую деятельность*. В Ленинграде появляется Фрунзенская коммуна, организованная И.П. Ивановым, которая создала уникальный опыт жизнедеятельности группы в атмосфере социального творчества, заботы об окружающем мире и служения добру.

В 60-е годы XX века в нашей стране вместе с интенсивным развитием социальной психологии наметился существенный подъем в исследовании проблем общественной и социальной активности личности и группы.

Центром личностного развития молодежи и научной площадкой для исследования социально-психологических закономерностей жизнедеятельности личности и коллектива стала система лагерей «Комсорг», разработанная Л.И. Уманским и его учениками А.С. Чернышевым и А.Н. Лутошкиным.

Задачей Уманского было проведение в лагере формирующего эксперимента, чтобы проверить гипотезу о *развитии организаторских способностей* молодежных лидеров — комсоргов. Так сформировались два основных центра (Курск и Кострома) по подготовке молодежных лидеров и изучению их социальной активности. Концептуальный подход к исследованию данных проблем в рамках курско-костромской научной школы основывался на принципе обучения и воспитания личности через активное включение в систему отношений и совместную деятельность группы [22].

Подход Уманского к *типологии* молодежного лидерства основан на его взаимосвязи со сферами жизнедеятельности и уровнем развития группы. С точки зрения Уманского, лидерство имеет типологию, связанную с подструктурами группы, и, с одной стороны, лидерство является мерой ведущего влияния личности на группу, оказывает прямое воздействие на общегрупповые характеристики, с другой стороны, эти характеристики группы оказывают непосредственное влияние на лидерство.

Уманским впервые была поставлена задача не просто сформировать необходимый стране молодежный актив, а создать условия для практического участия учащихся в разных социальных ролях. Как отмечает А.Л. Журавлев, Уманским и его многочисленными учениками решалась важнейшая практическая задача обучения и воспитания молодежных лидеров первичных учебных, а позднее — учебно-производственных коллективов [18]. В исследованиях было установлено, что отбор и подготовка лидеров может осуществляться прежде всего через их *включение в процесс организации* совместной деятельности группы.

Необходимо специально выделить экспериментальное направление в исследовании социально-психологические проблемы активности личности и группы, лидерства, организаторской деятельности, организованности группы, которые проводились в Курской социально-психологической лаборатории под руководством

Чернышева. Их исследования были направлены на определение и оценку уровня развития контактной группы как коллектива, групповой сплоченности, внутригрупповой и межгрупповой активности, процессов выдвижения группой лидера, распределения групповых ролей и др.

Были получены данные, демонстрирующие выраженную ролевую дифференциацию членов групп и ситуации выдвижения лидеров. Так, индикаторами мотивации лидера-организатора и характеристиками его психологической избирательности выступали особенности деятельности членов группы при выполнении общегрупповой задачи и степень активности, направленной на интеграцию всех членов группы для достижения общегруппового результата. В исследованиях подтвердилось, что группой выдвигаются устойчивые и ситуативные лидеры-организаторы, лидеры-инициаторы, лидеры эмоционального притяжения и лидеры-умельцы.

В дальнейшем развивая эту идею и проводя специальные эксперименты по изучению мотивов группового действия, психологи обнаружили, что личные и групповые мотивы и цели совместной деятельности могут находиться в конфликте, а могут гармонично сочетаться, что обуславливает уровень развития группы как коллектива. На эти процессы групповой динамики оказывают влияние разные типы лидеров.

Таким образом, изучая молодежные группы и используя оригинальную аппаратуру для изучения социально-психологических характеристик групп, Чернышев и его ученики пришли к заключению об организованности коллектива как интегральной характеристике, синтезирующей основные свойства группы, такие как направленность деятельности, общность мотивов и единство действий, самоуправляемость, лидерство, которые важны для понимания личностных и групповых факторов развития социальной активности.

В теоретических исследованиях принципиальным вопросом, имеющим многочисленные авторские позиции и касающимся сущности и содержания понятия социальной активности, являлся вопрос соотношения понятий «активность» и «деятельность». Эта проблема была серьезно проработана в трудах А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, С.Л. Рубинштейна, А.В. Петровского, К.К. Платонова, В.И. Секуна, К.А. Абульхановой-Славской. Их размышления касались, с одной стороны, рассмотрения активности в рамках деятельности, как внутренней ее предпосылки, с другой, — определения активности как генеральной характеристики субъекта деятельности, с третьей, — описание деятельности как целеустремленной

активности, реализующей потребности субъекта, с четвертой, — понимание активности как мотивирующего фактора и наделение ее функцией регуляции деятельности, придания ей смысла.

Разнообразие исследования основ активности личности и группы обнаруживает другой важный с содержательной стороны вопрос — о соотношении понятий «социальная активность» и «общественная активность», где также наблюдаются разные трактовки этих понятий, их смешение или отождествление. Различия в определении понятий «социальная активность» и «общественная активность» в основном связаны с их родо-видовыми и типологическими отношениями или синонимичностью.

Отсутствие единства в подходах к определению понятия «социальная активность» способствовало повышенному вниманию исследователей к этому феномену в разное время и в разных научных школах.

Так, во второй половине XX века проблема социальной активности стала развиваться в рамках концепций, основные положения которой сводились к пониманию социальной активности как усиленной, напряженной, творческой деятельности.

Кроме того, социальная активность исследовалась со стороны различных уровней проявления и фиксировалась в системе объективных критериев. В ряде работ подчеркивается, что социально-активной следует считать личность, которая побуждается к деятельности внутренними стимулами, потребностями, интересами, сознательными идеями, имеющими социальную значимость, определенным образом относится к социально значимой деятельности и принимает в ней активное участие [13].

Большую роль в определении содержания социальной активности играет ее значение для общества и коллектива, то есть, то, что делает личность — полезно для общества или ее поступки носят антисоциальный характер, в ее деятельности преобладают мотивы коллективные или узко-личностные. Изучая социальную активность личности и группы, исследователи представили интересные результаты, полученные при сравнении трех групп мотивов социальной активности у старшеклассников: личных, престижных и коллективистских. В исследовании принимали участие школьные классы с высокой и низкой идентификацией учащихся со своим коллективом. Оказалось, что в случае низкой идентификации ведущее место занимает группа личных мотивов, далее — престижных, на последнем месте оказывается группа коллективистских мотивов. Противоположная картина наблюдалась в классах с относительно высокой идентификацией учащихся [8].

В другом исследовании выяснялись интересы молодых людей и степень их участия в общественной работе. Результаты опроса юношей показали, что характерной особенностью является их активное участие в общественном производительном труде, кроме того выяснилось, что охват юношей общественными поручениями и фактическое участие в общественной работе не совпадают. Общественные поручения даются формально, интерес к их выполнению часто отсутствует — это приводит не к стимулированию общественной активности, а к ее демотивации. На основании этого были сделаны выводы о том, что изучение интересов юношей, которые не имеют общественных поручений, является одним из путей развития и повышения уровня их общественной активности [9].

Результаты этих исследований обострили вопрос о направленности активности личности и указали на необходимость исследования особенностей мотивации социальной активности, направленности личности лидеров, положительной и отрицательной направленности социальной активности.

Точки зрения различных авторов на проблему активности, сводящиеся к пониманию ее как положительной, созидательной деятельности человека в разных сферах его жизнедеятельности, полностью не отражают ее содержание, так как вне поля зрения остаются вопросы антисоциальной деятельности личности, и, следовательно, индивидуально-эгоистической направленности активности личности [9].

Так, в исследовании психологических основ общественно-полезной деятельности подростков и старшекласников обнаружено, что ее структура существенно отличается у лиц с эгоистической и общественной направленностью. Так, занимаются общественной работой потому, что «это важное и необходимое дело» — 81,5% школьников с общественной направленностью и 42% школьников — с эгоистической. Моральное удовлетворение при этом испытывают соответственно 42% и 0% школьников. Вследствие чувства долга исполняют ее 37% и 24% школьников. 76% учащихся без выраженной общественной направленности заявили, что выполняют ее, потому что «заставляют учителя». Например, установлено, что добросовестное выполнение учащимися общественных поручений может быть мотивировано сознанием общественного долга, необходимостью, а может быть, потребностью отличиться и желанием избежать наказания или получить поощрение [24].

В 70-80-х гг. XX века комсомольской организацией были сформированы социально значимые образцы поведения, где молоде-

жи нужно было проявлять определенную положительную социальную активность. Иные формы рассматривались как «неформальные» движения молодежи и попадали в разряд социально опасных явлений. Молодежные лидеры формировали в коллективах универсальные социальные умения и навыки, общие для выполнения широкого спектра социальных ролей, необходимых в будущем для успешного вхождения во взрослую жизнь.

Однако реальный результат взаимодействия группы и лидера во многом определяется нравственными свойствами последнего, и лидерство не всегда имеет положительную направленность. Противоречивость ценностных ориентаций личности, расхождение с ценностными ориентациями других людей (группы, коллектива) — психологический показатель ее маргинальности. С этой позиции выделяют два типа лидерства: просоциальное (социальное) и асоциальное (антиобщественное). Большое количество исследований, связанных с изучением асоциального лидерства, проведено И.С. Полонским. Он изучал проблему нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей и уделял большое внимание влиянию на группу лидеров-организаторов с отрицательной направленностью личности [15].

Исходя из этих позиций, исследователи социальной активности опять возвращаются к вопросу о внутренних побудительных причинах социального лидерства, о мотивационно-ценностных основаниях активности и ее интенсивности.

Уровень проявления и интенсивность социальной активности личности связывают с понятием субъекта деятельности, учитывая отношение к деятельности и анализируя характер взаимодействия. Социально активным будет субъект любой социальной деятельности, который имеет способность подниматься над уровнем требований социальной ситуации, ставить цели, избыточные по отношению к исходной задаче. Таким образом, социальная активность, в данном контексте может рассматриваться как активность надситуативная. Посредством надситуативной активности субъект преодолевает внешние и внутренние ограничения («барьеры») деятельности. Социальная активность, как надситуативная, выступает в явлениях социального творчества, познавательной (интеллектуальной) активности, «бескорыстного» риска, сверхнормативной активности личности [14].

Начиная с 80-х годов XX века, в отечественной психологии возрастает интерес к проблеме социальной активности. Активность личности в системе ее проявлений рассматривается в соответствии с интегративными концепциями индивидуальности человека

Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, психологии субъекта К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского и др.

В периоды перестройки и экономических трансформаций российского общества особое значение педагоги и психологи начинают уделять развитию «новой» социальной активности молодежи, при этом проявление активности предполагает не только выполнение общественных поручений и организаторскую деятельность, но в большей степени инициативу и самостоятельность. Новые социально-экономические условия развития страны способствовали появлению в обществе новых систем отношений, социальных норм и ценностей, где акцент был сделан на формировании качеств конкурентоспособной личности.

Проблема развития молодежи с активной жизненной позицией становится особенно актуальной и перед психолого-педагогической наукой и практикой встала задача трансформации позитивного опыта общественных организаций 60–80-х гг. XX века с учетом изменившейся социально-политической ситуации в стране. Переориентация деятельности существовавших ранее молодежных, организаций, развитие волонтерского движения, возникновение новых молодежных центров и клубов в современной России значительно разнообразили как характер социальной деятельности в целом, так и формы проявления социальной активности молодежи.

Трансформационные процессы в России сопровождались переосмыслением и переосмыслением системы социальных ценностей. Несомненно, значимые изменения ценностей, а также распад существовавших социальных групп и формирование новых во многом сказались как на уровне общественного сознания, так и на индивидуальной системе ценностных ориентаций молодых людей. На фоне происходящих социальных событий проблема жизненных ценностей и предпочтений современной молодежи стала иметь огромное значение. Изучение ценностей социально активной молодежи, особенно лидеров, стало вопросом первостепенной важности и предметом многих психологических исследований [1; 6; 7; и др.]. Молодежные лидеры составляют тот человеческий ресурс, из которого в ближайшем будущем могут вырасти общественные и политические лидеры, сферой деятельности которых будет общество и его социальные институты. В связи с этим для прогнозирования успешного развития молодого человека как социального лидера важно понимание процессов, происходящих в его ценностной сфере.

Интересные данные о ценностных ориентациях лидеров были получены курскими психологами. В их исследованиях установлено, что у лидеров возрастает значимость качеств, способствующих эф-

фективности индивидуальной деятельности, материальному благополучию, и снижается ценность качеств, содействующих продуктивному общению и социализации личности [1]. Сходные данные о динамике ценностных ориентаций личности в изменяющемся российском обществе в 1990-е годы были получены в крупномасштабных исследованиях Института психологии РАН [3, 5-7, 18, 20; и др.].

Результаты исследования мотивов социальной активности молодежи показали, что для студентов характерны мотивы общения, самореализации, обучения, самопознания и личностного роста. Однако у юношей наибольшую степень выраженности имеет мотив ухода от проблем и преодоления трудных жизненных ситуаций, юноши используют социальную активность как копинг-стратегию («забываются» в активной деятельности). У девушек преобладают мотивы положительного оценивания, помощи другим и служения обществу и наблюдается тенденция к росту значимости мотива карьеры [19].

Многие стороны личности молодого человека проявляются в конкретных формах социальной активности, например, в добровольчестве. По результатам исследования мотивы добровольческой деятельности молодежи имеют следующую иерархию: быть социально полезным — 89%, способствовать изменениям в обществе — 50%, самореализация — 36%, из чувства долга — 19%, интересно провести досуг — 15%, решить собственные проблемы — 10%. Установлено, что для большинства волонтеров благотворительная деятельность связана со стремлением решить собственные проблемы различного свойства. Одна из основных мотиваций — преодоление социальной маргинальности, потребность быть нужным. Кроме того, большую группу составили прагматические мотивы — карьерного роста и перспективы [23].

Курские психологи (Чернышев и др.) разработали теоретические основы оптимизации жизнедеятельности подростков и юношей путем включения их на определенное время в развивающие социальные среды. Развивающие социальные среды («социальные оазисы») создавались в рамках формирующего эксперимента, состоящего в организации регулярно действующего лагеря молодежного актива, где прошли подготовку тысячи молодежных лидеров из числа школьников, студентов, малолетних правонарушителей и др.

В последние десятилетия исследовательский интерес сместился на другие аспекты социальной активности [4, 10, 11; и др.]. Так, психологическая детерминация социальной активности рассматривается во взаимосвязи с самоопределением личности

на примере российского среднего класса. Готовность к социальной активности в разных сферах жизнедеятельности выступает элементом социального самоопределения. В качестве критериев выделения типов социальной активности предложены ее нормативность и массовость [11].

Ряд исследователей дают характеристику социальной активности и определяют особенности ее мотивации и направленности с позиции теории психологических отношений. В их работах личностное отношение молодежи к социальной активности в различных условиях ее реализации рассматривается во взаимосвязи с субъектными характеристиками личности и социально-психологической адаптацией. Делаются выводы о влиянии свойств личности и отношения молодежи к социальной активности на направленность реализуемой активности [2].

Для понимания реальной жизнедеятельности социально-активной молодежи важно знать, что она думает о своей активности, какими образами она наделяет саму себя. Данное положение явилось основанием исследования особенностей *представлений молодежи* о социальной активности. Ядро представлений о социальной активности составили следующие категории: «общественная деятельность», «личностная особенность человека», «коммуникация», «защита людей, помощь и польза», «интерес к людям и обществу». Выявленные в исследовании особенности представлений молодежи о социальной активности показывают, что, понимая таким образом социальную активность, студенты, в большинстве случаев, не включают в свои представления ряд важных ее компонентов и проявлений. Очевидно, это связано с формами и видами социальной активности, которые практикует молодежь в своих объединениях, а также со сферами жизнедеятельности, в которых реализуется социальная активность студентов в учебных заведениях [19].

Таким образом, существующие исследования социальной активности молодежи накопили интересные и важные для современной науки и практики результаты. Дальнейшее продвижение возможно в направлении разработки нового подхода, интегрирующего различные точки зрения на феномен социальной активности. В целом, большинство представленных исследований социальной активности молодежи можно условно объединить в два направления.

Первое направление составляют исследования, связанные с определением содержания и структуры социальной активности, с выявлением специфики различных форм и видов социальной ак-

тивности и видов социально-значимой деятельности, связанной с ними, уровней социальной активности и степени участия личности в социально-значимой деятельности.

Во *второе* направление можно объединить исследования, связанные с изучением мотивационно-потребностной сферы социально активной личности и мотивов социальной активности. Здесь акцент сделан на исследовании совокупности потребностей, инициирующих активность, и целей, которые эти потребности удовлетворяют; специфики ценностных ориентаций, социальных установок и психологических отношений личности, ее интересов и склонностей, самооценки и уровня притязаний, которые определяют форму социальной активности молодого человека и направленность его социального поведения в целом.

Дальнейшие теоретические исследования могут быть связаны с разработкой психологической теории социальной активности, основанной на представлениях о структуре социальной активности как части структуры личности. Эмпирические исследования могут быть направлены на понимание специфики структуры личности с разным уровнем социальной активности и в зависимости от социального опыта, особенностей мотивационно-потребностной сферы молодых людей с разными формами социальной активности (лидерство, организаторская деятельность, добровольчество, социальные инициативы и творчество) и др.

Список литературы

1. Беспалов С.В. Роль эксперимента в формировании эффективного молодежного лидерства с гуманистической направленностью // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Психологическая помощь учащимся в современном изменяющемся мире». Курск, 2006. С. 74–75.
2. Григорьев А.В. Мотивация социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2012. Том 12. Вып. № 3. С. 66–69.
3. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
4. Дорофеев Е.Д., Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социально-психологические факторы деловой активности предпринимателей // Теоретические и прикладные вопросы экспериментально-психологических исследований: Психологический межвузовский вестник. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. С. 92–100.
5. Дробышева Т.В., Журавлев А.Л. Ценностные ориентации формирующейся личности в разные исторические периоды развития российского общества // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 5–16.

6. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
7. Журавлева Н.А., Журавлев А.Л. Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Психология и педагогика». 2004. № 2. С. 20–39.
8. Колошина Т.Ю. Формирование общественно-ценных мотивов в деятельности комсомольцев//Воспитательная деятельность школьной комсомольской организации. М.: Педагогика, 1978. С. 98–108.
9. Косарев А.С. Общественная активность сельских школьников//Общественная активность личности и группы школьников. Ученые записки. Т.70. Ч. I. Курск, 1970. С.6–26.
10. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Субъективный социальный статус как фактор социального самоопределения активности личности // Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. М., 2011. С. 113–118.
11. Купрейченко А.Б., Моисеев А.С. Анализ значимости сфер жизни и направлений жизнедеятельности представителей современного городского среднего класса/Знание. Понимание. Умение. 2010. №4. С. 204–209.
12. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
13. Мальковская Т.Н. Социальная активность старшеклассников. М.: Изд-во «Педагогика», 1988.
14. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М.: Изд-во «ТОО Горбунок», 1992.
15. Полонский И.С. К проблеме нравственного содержания деятельности неофициальных групп подростков и юношей//Вопросы психологии личности и коллектива школьников и студентов. Т.31. Курск, 1974. С.22–29.
16. Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-центр, 2007.
17. Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
18. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений/Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
19. Соколова Е.С. Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. №1. С.197–202.
20. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
21. Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
22. Уманский Л.И. Из опыта практической подготовки (тренинга) организаторов//Социально-психологические проблемы первичного коллектива / Отв. ред. Л.И. Уманский. Ярославль, 1982. С. 73–75.
23. Федорова Н.М. Мотивация участия петербуржцев в волонтерской деятельности//Волонтер и общество. Волонтер и власть. Сост. С.В. Тетерский/ Под ред. Л.В. Никитиной. М.: Изд-во «ACADEMIA», 2000. С.54–58.
24. Фельдштейн Д.И. Психологические основы общественно-полезной деятельности подростков. М.: Изд-во «Педагогика», 1982.
25. Чернышев А.С., Лунев Ю.А., Лобков Б.Л., Сарычев С.В. Психологическая школа молодежных лидеров. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2005.

В.Н. Иванов, М.М. Назаров, Е.А. Кублицкая

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SOCIAL TRENDS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, советник РАН.

vilen_ivanov@bk.ru ;

Назаров Михаил Михайлович, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, доктор политических наук, vy175867@yandex.ru;

Кублицкая Елена Александровна, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, кандидат философских наук. eakubl@yandex.ru

Аннотация: В статье приводятся результаты исследования представлений населения о проблематике межнациональных отношений в контексте актуальных социальных трендов. Эмпирическую базу работы составляют сравнительные исследования в московском регионе. Выявлено, что преобладающий тренд оценок состояния социально-экономического положения в стране и в столице является негативным. Последнее определяет и общий контекст оценок ситуации в сфере межнациональных отношений. Показано, что достаточно высоким является уровень конфликтности в данной области. Исследования фиксируют, что наряду с проблемами, имеются позитивные предпосылки для улучшения межнациональных отношений: характеристики культурной идентификации жителей столицы отражают вектор на единение народов исторически проживающих вместе на территории России.

Abstract. The article presents the results of the study of perceptions of population about the problems of inter-ethnic relations in the context of current social trends. The empirical base of operation composed of comparative studies in the Moscow region. It was revealed that the prevailing trend of evaluations of the socio-economic situation in the country and in the capital is negative. The latter is the context of evaluation of the situation in the sphere of international relations in general. It is shown that a level of conflict in this region is high enough. Studies have fixed that, along with the problems, there are positive preconditions for the improvement of international relations: the characteristics of cultural identity of the inhabitants of the capital reflect the vector to unite peoples and cultures, historically residing on the territory of Russia.

Ключевые слова: социально-экономические тренды, межнациональные отношения, социальная напряженность, конфликт, протестные действия, национальная политика, межкультурное взаимодействие

Keywords: socio-economic trends, international relations, social tensions, conflict, protest actions, national policies, intercultural interaction

В данной работе межнациональные отношения рассматриваются в контексте социальных трендов, которые наблюдались в нашей стране в последние годы. В фокусе внимания находятся следующие исследовательские вопросы¹. Какова динамика основных социальных проблем в оценках населения? Каким в этой связи является место и содержательное интерпретация проблем в области межнациональных отношений? Каковы ориентации населения столичного мегаполиса на конфликтное участие в данной предметной области?

Проведенные по сопоставимой методике замеры отношения респондентов к социально-экономической ситуации показывают, что в 2016 году наблюдалось продолжение устойчивого негативно-го тренда. Характерно, что за последние три года доля тех, кто оценивал социально-экономическое положение в стране как благополучное, уменьшилось в 2,5 раза (с 43% до 18%). Примерно в этой же пропорции увеличилась доля тех, кто рассматривал положение как кризисное. Не случайно, что негативные тенденции были зафиксированы и на уровне динамики самооценок личного благосостояния респондентов. Так, в 2014 году 18% респондентов указали, что они стали «жить хуже за последние 2–3 года». В 2016 году аналогичный показатель вырос до 48%.

Очевидно, что причины такой ситуации определяются, среди прочего, перечнем проблем, которые в наибольшей степени беспокоили население столицы. Респондентам было предложено выбрать наиболее актуальные для них проблемы из широкого перечня. Показательно, что три ведущие позиции здесь заняли проблемы, имеющие материальное «измерение» — «дороговизна жизни» — 53%, «дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание» — 46%, «повышение тарифов на услуги ЖКХ» — 43%.

Понятно, что текущие социально-экономические проблемы являются также производными от состояния социально-бытовой сферы по месту жительства москвичей. В этой сфере можно выделить области, где ситуация оставалась достаточно стабильной. Это, по всей видимости, было связано и с активными усилиями московских властей. Так, в период 2014–2016 гг. не наблюдалось роста негативных оценок в таких областях, как жилищные условия, обеспечение промтоварами, условия для отдыха и досуга, условия для развития и обучения детей. Существенное увеличение отрицательных оценок произошло применительно к такой области, как

¹ Эмпирическую основу работы составляют данные репрезентативных исследований населения Москвы, реализованного в июне 2016 г. N=705. В методике используются сопоставимые индикаторы, что позволяет выявлять устойчивые тренды в 2008–2016 гг.

медицинское обслуживание: если в 2014 г. состояние в этой области оценивали, как «плохое» 24% опрошенных, то в 2016 г. — 51%.

Как известно, в последние годы в стране в целом, и в столице, в частности, региональные власти реализовывали реформы в различных областях. Наибольшей поддержкой в этой связи пользовались действия московского правительства в сфере транспорта — строительство и совершенствование дорожных развязок, переходов, пешеходных дорог, подъездных путей к жилым домам. Более половины опрошенных (53%) поддерживали деятельность властей в этой области. Вместе с тем, жители столицы оказались недовольными и не поддерживали результаты реформ в сфере образования и педагогики — укрупнение Вузов школ, детских садов (62%); ЖКХ — реформы капремонта, качество и стоимость коммунальных услуг (77%); медицинского обслуживания — объединение поликлиник, медицинских центров, обеспечения лекарствами (78%). Показательно, что за последний год доля негативных оценок реформирования в упомянутых выше областях возросла в среднем на четверть.

Таким образом, преобладающий тренд оценок состояния социально-экономического положения в стране и в столице следует оценивать, как негативный. Очевидно, что это составляло общий контекст рассматриваемых далее вопросов в сфере межнациональных отношений.

Состояние межнациональных отношений как в РФ в целом, так и в отдельных регионах играет важную роль в связи с задачами поддержания стабильности и развития страны. Принимая во внимание особую значимость столичного региона с точки зрения формирования и развития социально-политических процессов в целом, обратимся к данным приведенным в таблице 1.

Таблица 1. Оценки межнациональной напряженности в Москве (в % от числа опрошенных)

Оценка:	2014	2016
Межнациональные отношения стабильны	15,0	17,5
Имеется межнациональная напряженность	43,6	48,5
Налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты	35,5	29,9
Затруднились ответить	5,9	4,1

Показательно, что Москва продолжает оставаться «лидером» межнациональной напряженности в сравнении с большинством других субъектов федерации. Имеющиеся данные позволяют также взглянуть на этот вопрос в рамках длинного тренда. Так, в 1994 г. считали, что «налицо сильная межнациональная напряженность, возможны конфликты» — 17% респондентов. Показательно, что к 2016 г. доля респондентов, разделяющих это мнение, составила 29%. Таким образом, проведенный в течение последних двадцати лет мониторинг фиксирует рост межнациональной напряженности в мегаполисе примерно в два раза.

Сравнивая социально-демографические группы, испытывающие крайнюю степень недовольства сложившейся ситуацией в сфере межнациональных отношений, можно констатировать, что таких респондентов больше среди коренных жителей столицы, по сравнению с приезжими; среди мужчин, по сравнению с женщинами, в группе молодых, по сравнению с пожилыми людьми. Наиболее критично межнациональные отношения в мегаполисе оценивают русские.

Проблема межнациональной напряженности соотносится с отражением в массовом сознании москвичей реалий их повседневной жизни. Обратимся в этой связи к представлениям респондентов о тех проблемах, которые беспокоят их в повседневной жизни (См. таблицу 2).

Таблица 2. Перечень проблем, которые беспокоили респондентов больше всего, (в % от числа опрошенных) (можно было дать несколько вариантов ответа)

	2014	2016
Неопределённость жизненных перспектив	22,8	26,1
Безработица	14,9	13,6
Дороговизна жизни	44,6	53,3
Несвоевременная выплата зарплаты	6,2	10,4
Дорогое и неквалифицированное медицинское обслуживание	29,5	45,8
Расслоение общества на богатых и бедных	24,3	24,1
Произвол и бюрократизм чиновников	30,4	31,9
Рост преступности	28,4	21,7
Рост наркомании, алкоголизма	34,3	20,9

Ухудшение отношений между людьми разных национальностей	24,9	11,8
Угроза террористических актов	24,3	21,6
Религиозная вражда, межконфессиональная напряжённость	10,1	4,4
Экологическая обстановка	24,0	27,2
Работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах	25,6	24,1
Состояние дорог и переходов для инвалидов	16,4	11,5
Повышение тарифов на услуги ЖКХ	23,7	42,7
Низкий уровень культуры населения	25,5	17,9
Неконтролируемый поток мигрантов	30,2	15,5
Ничего не беспокоит	1,7	2,6

Заметим, что межнациональные отношения не входят в число проблем-лидеров жизни людей. Вместе на «ухудшение отношений между людьми разных национальностей» указали 11% респондентов. Показательно, что в последние годы эта позиция собирала в пределах 20% — 25% упоминаний. Причем, наряду с проблематикой межнациональных отношений, в этой группе находились такие вопросы, как: «неопределённость жизненных перспектив», «рост преступности», «экологическая обстановка», «работа наземного транспорта, «пробки» на дорогах», «низкий уровень культуры населения», «неконтролируемый поток мигрантов». Как следует из таблицы 2, число упоминаний проблематики межнациональных отношений несколько сократилось в 2016 г. Насколько долгосрочной является эта тенденция, покажет время.

Одной из актуальных в жизни столицы, связанной, так или иначе, с проблемой межнациональных отношений, продолжает оставаться проблема миграции. Показательно, что динамика негативных проявлений в связи с этой проблемой оказывается практически без изменений в течение последних 7–8 лет. В 2016 г. этот показатель также уменьшился. Многие участники исследования отметили, что им приходилось сталкиваться: с неуважительным отношением мигрантов к нормам, традициям московской культуры (46%); хулиганским действиям и другим нарушениям общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряжённость в национальные отношения (36%); неприязненным отношением к мигрантам, приезжающим на работу и постоянное место жительства в Москву (30%).

Межнациональная / этническая дистанция

Приоритетность задач укрепления духовной общности многонационального народа РФ предполагает наше внимание к вопросам межнациональной / этнической дистанции. Обратимся в этой связи к ряду индикаторов, отражающих составляющие дистанции — близость или отдаленность групп в этническом пространстве. (Ниже приводятся данные исследования 2016 г., в % от числа опрошенных).

Одним из них является представления москвичей о работе в межнациональном трудовом коллективе. Доля тех, кто предпочел бы работать в многонациональном коллективе или для кого это обстоятельство не имеет значения, составляет 62%. Меньшее число респондентов указало на то, что это зависит от того, из представителей каких национальностей состоит коллектив — 16%. Предпочли бы работать в мононациональном коллективе, состоящим из представителей этнической группы, к которой принадлежит респондент — 18%.

Другой, важной в данном контексте характеристикой является наличие у респондентов друзей другой национальности, которым они могут доверять. Положительно на это указали 73% участников исследования, отрицательно — 27%. Показательными, на наш взгляд, являются также оценки перспективы вступления в межнациональный брак кого-либо из близких родственников респондентов. В целом москвичи в этом вопросе настроены толерантно. Исключительно отрицательные оценки были зафиксированы у 15% респондентов. Существенно большая группа опрошенных — 80% высказали положительное в целом (или с оговорками), а также безразличное отношение к данному вопросу. Все указанные выше обстоятельства свидетельствуют о преобладании среди населения оценок, связанных с положительными ориентациями на межнациональное / этническое взаимодействие в сфере трудовых, брачных, межличностных отношений.

Вместе с тем, исследования фиксируют значимую по численности долю респондентов, утвердительно отвечающих на вопрос о национальностях, к которым респонденты испытывают неприязнь. Данные об этом приведены в таблице 3.

Таблица 3. «Есть ли национальности, к которым Вы испытываете неприязнь?» (в % от числа опрошенных), Москва

ОЦЕНКА	2014	2016
Да	36,1	27,2
Нет	56,2	67,0
Затрудняюсь ответить	7,7	5,9

Как следует из приведенных данных, в 2014–2016 гг. наблюдается некоторое увеличение числа тех, кто не испытывает неприязни к лицам других национальностей. Насколько этот тренд является устойчивым, говорить пока рано. При ответе на уточняющий вопрос о том, к каким именно национальностям респонденты испытывают неприязнь, наиболее часто упоминались «национальности Северо-Кавказского региона».

Сопоставляя данные о межнациональной / этнической дистанции, с одной стороны и национальной неприязни, с другой, можно предположить следующее. По всей видимости, большая часть респондентов в московском регионе не связывают напрямую напряженность в межнациональных отношениях с собственно фактором неприязни и нетерпимости. Другими словами, говоря о межнациональной напряженности, прежде всего, делается акцент на нарушении сложившихся норм и традиций проживания со стороны мигрантов, нежели чем на укоренившемся, «врожденном» чувстве национальной нетерпимости. Давая подобные оценки, мы далеки от того, чтобы подавать ситуацию в «розовом цвете». Основанием для этого является высокий уровень показателя межнациональной напряженности в Москве в целом.

Конфликтное участие

Напряженность в межнациональных отношениях может перерасти в конфликтные действия. Минимизация конфликтного потенциала межнациональных отношений является одной из важных целей стратегии государственной национальной политики. В рамках исследования был проведен анализ того, в какой мере респонденты считали возможным принять участие в конфликте на стороне своей национальной группы. Сравнительные данные о динамике конфликтного участия приведены в табл. 4.

Таблица 4. «Примете ли Вы участие в конфликте в интересах своей национальной группы?» (в % от числа опрошенных), Москва

	2014	2016
Да, безусловно	15,1	10,8
Это зависит от обстоятельств	47,2	46,4
Ни в коем случае	27,9	36,8
Затрудняюсь ответить	9,8	6,0

Приведенные данные показывают, что ориентации на конфликтное участие в интересах своей национальной группы остаются в столице достаточно стабильными. Причем установки на участие в конфликте — «безусловное» и «в зависимости от обстоятельств» разделяли более половины опрошенных.

С помощью метода логистической регрессии были определены факторы, наиболее полно объясняющие конфликтное поведение в сфере межнациональных отношений. Очевидно, приведенные ниже факторы, целесообразно учитывать при реализации стратегии государственной национальной политики.

В социально-демографическом плане среди активных участников будут находиться мужчины в относительно молодых возрастных группах — моложе 50 лет. Активное участие в конфликте обусловлено этнокультурными характеристиками индивидов, с одной стороны; оценками людей процессов и явлений в окружающей их действительности — другой. Полученные результаты фиксируют, что участие в конфликте оказывается более вероятным у индивидов, имеющих выраженные этноцентричные установки, социально-культурная дистанция которых чаще «замыкается» на представителях своей этнической группы. Так, ориентация на конфликт более вероятна в группах с более ярко выраженной этнической дистанцией — в плане предпочтения брака с представителями своей этнической группы. Здесь же проявляется и роль другой переменной — выделением респондентом этнических групп, чей уровень жизни оказывается более высоким.

Наряду с этим, конфликтное участие сопряжено с оценками людей социально-экономических явлений и общим социально-психологическим состоянием. Вероятность участия в конфликте на стороне своей национальной группы повышается среди тех, кто обеспокоен несвоевременной выплатой зарплат; неудовлетворенностью своей жизнью в целом.

Есть еще одна группа переменных, которые детерминируют участие в конфликте. Это несогласие респондентов с деятельностью институтов. Согласно нашим данным, вероятность участия в конфликте сопряжена с неудовлетворенностью национальной и культурной политикой; деятельностью средств массовой информации. Согласно регрессионной модели, вероятность конфликтного участия в Москве связано с согласием с тезисом о том, что национальная политика осуществляется в ущерб национальным интересам русской нации, развитию русской культуры. Здесь же важным оказывается невысокая удовлетворенность деятельности СМИ по освещению действий властей. Значимой переменной является также факт встречи респондентов в их повседневной жизни с использованием религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других этнических групп.

Очевидно, что конфликтность и проявления этноцентризма сопряжены с более широкой проблематикой этнической идентификации и тем, как это соотносится с общероссийской идентификацией. Это тем более важно, поскольку межэтнические отношения предполагают, как минимум, две взаимодействующие стороны. Поэтому рост установок на конфликтное участие одной из сторон, неизбежно предполагает обратную реакцию с другой стороны — тем самым формируется опасная спираль межэтнической напряженности.

Отношение к национальной политике

Очевидно, что при совершенствовании национальной политики в РФ следует принимать во внимание отношение людей к обеспечению прав и свобод представителей различных национальностей / этнических групп к процессам в области национальной культуры и языка. Мнения респондентов об оценочных суждениях по данной проблематике приведены в таблице 5.

Согласно имеющимся данным, большая часть респондентов согласны с утверждением о том, что в современных условиях отдельным народам все труднее сохранять свои обычаи и традиции. Показательно, что около трети участников исследования в Москве считает, что национальная политика проводится за счет интересов русских. В целом в обществе (по крайней мере в московском регионе) превалирует мнение, что имеет место ущемление прав отдельных национальностей за счет других.

Очевидно, что вопрос положения русских, как государствообразующей нации, имеет несколько измерений. Не последней

по значимости является ситуация в сфере культуры и языка. В этой связи надо учитывать далеко не во всем совершенную ситуацию с регулированием доли русского и национальных языков в сфере образования в отдельных республиках в составе РФ, например, в Татарстане.

Таблица 5. Отношение населения к оценочным суждениям (в % от числа опрошенных), Москва 2016 г.

	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
В современных условиях некоторым народам нашей страны становится все труднее сохранять свои традиции, обычаи	57,6	34,3	8,1
В нашей стране национальная политика осуществляется в ущерб национальным интересам русской нации, развитию русской культуры	28,8	59,7	11,5
В настоящее время имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей	31,9	50,4	17,7

Проведенное исследование дает представление о культурно-цивилизационной ориентированности россиян. Так, 64% опрошенных согласны с утверждением о том, что «Россия — это евразийская цивилизация, где объединяются Восток и Запад». Это, на наш взгляд, имеет целый ряд следствий, как стратегического, так и тактического плана. Важными в этом контексте являются мнения респондентов о том, какое будущее ожидает Россию. Двумя наиболее распространенными оценками были следующие: «Россия будет существовать в нынешних границах» — 48%; «Рано или поздно вокруг России начнется объединение народов» — 32%. Таким образом, установка на принятие интеграционных процессов является одним из укоренных представлений населения.

Последнее, так или иначе, соотносится с вопросом о самоидентификации москвичей в пространстве культуры. Показательными в этой связи являются ответы на вопрос «Представителем какой культуры вы себя считаете?»: «русской» — 58%; «российской многонациональной» — 23%; «советской многонациональной» — 15%. Приведенное выше в совокупности отражает исторические особенности развития страны как особого цивилизационного пространства — русского мира, объединяющего многие народы и культуры. Именно это определяет интеграционные тен-

денции последнего времени, а не мифические утверждения о возрождении имперских амбиций России, которые стали общим местом в мировых, прежде всего, англосаксонских медиа, равно как и ряде академических публикаций последнего времени.

Сецессионные проявления в русских регионах

Проблематика межнациональной напряженности и отношения к идеологическим параметрам федеративного устройства имеют и еще один аспект в плане успешного осуществления стратегии государственной национальной политики РФ. Речь идет о необходимости особого внимания фактору регионального сепаратизма, значимость которого объективно повышается в современном глобальном мире. Как показывает опыт новейшей истории, устойчивой закономерностью, проявляющейся при распаде государств, является реализация следующей цепочки обстоятельств: «межнациональная конфликтность» — «сепаратистские тенденции» — «образование новых независимых государств».

При этом особую опасность для безопасности страны имеют идеи о необходимости формировании собственно русской государственности как механизма минимизации межнациональной напряженности, с одной стороны, и инструмента «адекватного» встраивания в глобальный мир — с другой. Если такие утверждения не слишком популярны в массовом сознании, то их распространенность на концептуальном и экспертном уровне (особенно в кругах политической оппозиции) трудно отрицать. Утверждения об усилении «этнизации» самосознания русских в современных условиях (что якобы подтверждается известными событиями последнего десятилетия в Кондопоге, Ставрополе, Невинномысске, Москве и т.д.), как предпосылке формирования собственно национальных оснований современной русской государственности подрывают национальную безопасность РФ в целом. Фактически, это представляет собой концептуальный механизм «перевода» страны в иное качество «нисходящей» субъектности.

С этим соотносится известная пропагандистская линия последних нескольких лет, сутью которой являются лозунги типа «хватит кормить Кавказ». Последнее со всей очевидностью ведет к нагнетанию настроений, способствующих разделению, а не консолидации. Причем, как показывают приведенные выше данные, это ложится на «благодатную» почву с точки зрения представлений массового сознания о праве республик о выходе из состава РФ. Причем одним из сопутствующих в этой связи моментов является

ставка на рост этнического национализма, с акцентом его на «крови и почве», как решающих факторах объединения людей. Этот путь, по нашему мнению, очевидно, предполагает резкий рост конфликтности и, по сути, взрыв РФ изнутри.

Наряду с этим, не стоит сбрасывать со счетов достаточно опасные процессы интеллектуального и концептуального, а в отдельных случаях практического порядка по оформлению идей регионального сепаратизма в современной РФ. На первый взгляд, это может показаться «маргинальной политической экзотикой», однако, принимая во внимание возможности изменения политико-экономической ситуации в негативную сторону, не кажется столь безобидным. Речь идет об активизации в последние 5–7 лет в медийном дискурсе таких тем, как: «Дальневосточная Республика», «Свободная Карелия», «Ставропольская русская республика», «Поморская республика», «Сибирский регионализм», «новая самоидентификация регионов», «восстановление исторической и культурной идентичности Кенигсберга и Восточной Пруссии», «обреченности 500-летней колониальной империи, в силу отсутствия свободы регионов» и т.п.

В этой связи отметим, федеративное устройство каждой страны является, в известной мере, уникальным образованием, которое предопределяется спецификой истории и развития страны, сложившимся в каждом конкретном случае балансом сил интересов. Попытки реализации национального моноэтнического государства или сецессия отдельных регионов применительно к России являются деструктивными для существования страны как таковой. Следует исходить из того, что Россия является полиэтнической цивилизацией, скрепленная русским культурным ядром. Именно это представление должно лежать в основе политической, социальной, и культурной практики управления.

Григорьев Н.Ю., Родюков Э.Б.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОЗНОГО ТЕРРОРИЗМА

SOCIAL CONSEQUENCES OF MODERN RELIGIOUS TERRORISM

Григорьев Николай Юрьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова, г. Москва. E-mail: nugrig@mail.ru

Родюков Эдуард Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВПО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва. E-mail: groro@mail.ru

Nikolay Grigoriev — the candidate of the philosophical sciences, assistant professor of the pulpit of the advertisement and relationships with the public in медиаиндустрии, FGBOU VPO "Moscow state university of the seal" name Ivana Fedorova, Moscow, nugrig@mail.ru

Eduard Rodyukov — a candidate of the sociological sciences, assistant professor of the pulpit to sociologies of the Military university, Moscow, groro@mail.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа современного религиозного терроризма. Религиозные террористические акты происходят повсеместно в условиях стремящегося к глобализации мира и затрагивают все сферы жизни общества. Религиозный терроризм — одно из наиболее ранних в человеческой истории направлений терроризма, которое уже на протяжении весьма длительного времени используется в противоборстве различных по характеру и организации социально-политических сил, в том числе религиозно-фанатических группировок разного масштаба и направленности, политических и этнических элит, общественно-политических объединений, отдельных государств. Религиозный терроризм сегодня это, прежде всего, преступление против человечества.

Annotation. The attempt of analysis of modern religious terrorism is undertaken in the article. Religious assassinations take place everywhere in the conditions of the aspiring to globalization world and affect all spheres of life of society. Religious terrorism — one of the most early in human history directions of terrorism, that already during very great while is used in opposing different by the nature and organizations of socio-political forces, including religiously-fanatic groupments of different scale and orientation, political and ethnic elites, social and political associations, separate states. Religiousterrorismtodayit, foremost, crimeagainsthumanity.

Ключевые слова: религиозный терроризм, религиозная мотивация, религиозные террористические организации, религиозный экстремизм, религиозные факторы, религиозная угроза.

Keywords: religious terrorism, religious motivation, religious terrorist organizations, religious extremism, religious factors, religious.

В современных условиях терроризм трансформировался в масштабное и распространенное социально-политическое явление, которое имеет сложную структуру, особенности, специфику, что обусловлено существующими в современном обществе противоречиями.

Сегодня сформировалась достаточно молодая наука о терроризме как особом социальном феномене, его сущности, тенденциях, формах, целях и причинах терроризма, механизме эскалации терроризма и его отдельных проявлений и системе борьбы с данным явлением, которая называется **террологией**. **Этой наукой определены** шесть основных типов современного терроризма: националистический терроризм, терроризм с поддержкой государства, терроризм левых экстремистов, терроризм правых экстремистов, терроризм анархистов, религиозный терроризм [1].

Рассмотрим, что они подразумевают под собой:

1. **Националистический терроризм.** Террористы этого вида обычно ставят своей целью формирование отдельного государства для своей этнической группы. Они называют это «национальным освобождением», про которое, по их мнению, весь остальной мир забыл. Этот вид террористов часто завоевывает симпатии на международной арене, о чем свидетельствует поддержка международными организациями «чеченского» терроризма. Многие террористы-националисты утверждают, что они не террористы, а борцы за свободу своего народа. Типичные примеры — Ирландская Республиканская Армия и Организация Освобождения Палестины. Обе организации в 90-х годах заявили, что они отказываются от террористических методов. К этому же виду террористов эксперты относят организации Баскская родина и свобода, которая намерена отделить районы традиционного проживания басков от Испании, и Партия трудящихся Курдистана, которая хочет создать свое государство на территории Турции.

2. **Терроризм с поддержкой государства.** Некоторые террористические группы были преднамеренно использованы правительствами различных государств в качестве дешевого способа ведения войны. Такие террористы опасны, прежде всего, тем, что их ресурсы обычно намного мощнее, они могут даже производить бомбардировки аэропортов. Одно из наиболее громких

дел — использование Ираном группы молодых боевиков для захвата заложников в американском посольстве в 1979 году. В настоящее время госдепартамент США считает Иран одним из основных спонсоров терроризма, однако в поддержке террористов обвиняются и Куба, и Ирак, и Ливия, и Северная Корея, и Судан, и Сирия. Среди известных террористических групп можно выделить следующие связи с правительствами: «Хезболла» поддерживается Ираном, организация Абу Нидаль — Ираком, Японская красная армия — Ливией. «Аль-Каида» была тесно связана с талибами, когда те были у власти в Афганистане, что некоторые эксперты относят ее к этой же категории.

3. Терроризм левых экстремистов. Наиболее радикальные левые хотят уничтожить капитализм и заменить его коммунистическим или социалистическим режимом. Поскольку они обычно считают гражданское население жертвами капиталистической эксплуатации, они не часто прибегают к терактам против обычных граждан. Они в гораздо большей степени прибегают к похищениям богатых людей или взрывают различные «символы капитализма». Примерами таких групп могут служить немецкая Баадер-Мейнхоф, Японская красная армия и итальянские Красные бригады.

4. Терроризм правых экстремистов. Правые экстремисты часто связаны с западноевропейскими неонацистами. Их задача — борьба с демократическими правительствами для замены их фашистскими государствами. Неофашисты нападают на иммигрантов и беженцев, пытаются настроить против них население страны. Такие группы характеризуются расистскими и антисемитскими взглядами.

5. Терроризм анархистов. Террористы-анархисты были глобальным феноменом с 1870-х по 1920-е годы. Один из президентов США Вильям Макинли был убит анархистом в 1901 году. В России в этот же период анархисты совершили немало успешных терактов. Некоторые эксперты предполагают, что современные антиглобалисты могут породить новую волну анархического терроризма.

6. Религиозный терроризм. Религиозные террористы используют насилие в целях, которые, по их мнению, определены Господом. При этом объекты их нападений размыты и географически, и этнически, и социально. Религиозные террористы принадлежат не только к небольшим культам, но и к распространенным религиозным конфессиям. Этот тип терроризма развивается гораздо динамичнее остальных. Так, в середине 1990-х годов из 56 известных террористических организаций почти половина заявляла о религиозных мотивах. Выделение религиозного терроризма

носит условный характер, поскольку сама террористическая деятельность социально неоднозначна — лица, вовлечённые в совершение актов терроризма, представляют социальные слои населения с различным экономическим, эстетическим, социальным положением и могут не вкладывать в феномен этой разновидности терроризма религиозного оттенка. Но, несмотря на многообразную мотивацию терроризма, изучение религиозного фактора практически значимо, поскольку этот фактор либо доминирует, либо занимает значимое место в структуре побудительных причин совершения общественно опасных деяний.

Религиозная мотивация наиболее радикальна, так как само основание религии — человек, верящий в посмертное существование, меньше всего подвержен рациональному воздействию. Поэтому борьба с подобным терроризмом только с точки зрения усиления уголовного закона неэффективна — применение самых строгих мер наказания, вплоть до смертной казни будет рассматриваться религиозными террористами как «награда», выполнение миссии ценой своей жизни. Борьба с религиозным терроризмом требует задействования идеологического ресурса государства — поддержки межконфессионального взаимодействия, дискредитации идеи избранности вероисповедания и т.д.

Условный характер употребления понятия «религиозный терроризм» заключается в том, что традиционное содержание религий мира не призывает к терроризму, а поддерживают базовые человеческие ценности. Проблема заключается в использовании религии как влияющей на население массовой идеологии, разными социально-политическими силами для реализации их целей. Такие факторы как глубокая укорененность религии в сознании широких слоев общества, сохранение религией в глазах населения своего значения как определенного объединяющего символа, общего идентификационного признака для различных социальных общностей выразителя их жизненных интересов, а также сохранение религией в силу самой ее сущности в различных социальных средах своего значения как фактора сакрализации в отношении определенных людей, их идей и поступков, общественных движений, явлений, признание их священными, угодными Богу, определили возможность использования религии в качестве эффективно-идеологического прикрытия для совершения экстремистских, а зачастую и террористических действий.

Существование внутренних противоречий в религии, наличие неточностей способствует манипулированию сознанием населения с помощью спекулятивного толкования религиозных основ.

В современных условиях происходит дрящийся с конца XX столетия процесс возрастания роли религиозного терроризма в общем комплексе различных направлений терроризма, усиление опасности религиозного терроризма для глобальной и национальной безопасности. Увеличение значения религиозного терроризма с 70–80-х годов прошлого века на фоне резкого сокращения общее усиление террористической опасности в мире.

Среди характерных черт религиозного терроризма можно выделить следующие [2]:

Широкая идеологическая основа религиозного терроризма, обеспечивающая возможности активного использования террористических форм и методов борьбы в различных социально-политических условиях и регионах. Наиболее распространены концепции исламского экстремизма, что объясняется распространением ислама на территории стран мира и его способностью влиять на самые различные, в том числе маргинальные слои населения, наличием острых противоречий между исламскими государствами или их влиятельными политическими кругами с теми государствами Запада, прежде всего США, которые рассматриваются ими как главное олицетворение Зла в современном мире, как главная угроза исламу, его культуре, независимому существованию исламских государств в условиях усиливающейся глобализации. Этот фактор обусловил выход исламского терроризма за пределы Ближнего Востока и Северной Африки и превращение его в глобальный фактор международного терроризма. Другие направления религиозного терроризма (христианского, иудейского и т.д.) носят более локальный характер, но также способны создавать угрозу для национальной безопасности, как показала деятельность американских экстремистских групп «белого господства» и возникновение ирландских и испанских религиозных экстремистских организаций. Развитие западного мира способствовало оттеснению христианского и иудейского терроризма в маргинальную часть населения. Возникновение новых религий создает конфликтогенный потенциал и благоприятную среду для формирования и активизации религиозно-террористической деятельности во многих странах мира (например, деятельность запрещенных международных организаций «Ананда Марга» («Путь к блаженству»), «Аум-Сенрикё» («Учение истины аум») и др.).

Повышенная общественная опасность целей религиозного терроризма. Основные стратегические цели религиозного терроризма формулируются, неясно, применяя сложную религиозную фразеологию. Часто формулировка целей предполагает ведение

священной войны, уничтожение мирового зла, религиозное очищение, осуществление исламских революций, образование теократических государств халифатов и т.д. В то же время задачи религиозного терроризма часто выходят за рамки целей, имея своей основой более радикальное разрушение и трансформацию общественных отношений и институтов.

Неограниченное применение насилия или готовность к этому. Одним из опасных проявлений взаимосвязи религии и религиозного терроризма является то, что спекулятивное использование религиозной идеологии в системе религиозного терроризма обеспечивает легитимацию насилия религиозными предписаниями. Применение насилия в деятельности структур религиозного терроризма и их участников оценивается ими как божественная обязанность или священное действие. Сакрализация насильственной деятельности связана с использованием уничтожающих человеческое достоинство определений («неверные», «собаки», «дети сатаны»). Этот же фактор является предпосылкой осуществления широкомасштабных террористических актов и кровавого терроризма, в том числе с использованием средств массового уничтожения (как химическая атака в Дамаске в 2013 году).

Особенности организации религиозного терроризма. Идеологическая основа терроризма обуславливает его характерные черты: создание структур с использованием форм и названий религиозных организаций, стремление обеспечить их легальный статус посредством официальной регистрации в соответствующих государственных органах, что способствовало установлению контактов с государственными и общественными организациями, гражданами, осуществление разнопланового идеологического и подрывного воздействия на избранные объекты; использование организационных форм гуманитарных учреждений, являющихся участниками различных видов международного обмена. В качестве опорных пунктов для деятельности организаций служит создание организационных структур с официальной целью осуществления религиозного обучения, просвещения и т.д. В России эта практика отображается в попытках формирования сетей нелегальных ваххабитских общин — «джаматаов», незаконных вооруженных формирований соответствующего толка, прокладывание нелегальных каналов переброски боевиков-нелегалов из-за рубежа для участия в террористической деятельности на территории России (прежде всего на территории Северного Кавказа). Еще одна особенность организации религиозного терроризма, прежде всего исламистскими структурами — использование сетевого

принципа для создания и размещения сил и средств этих организаций, который предполагает формирование малочисленных и независимых друг от друга структурных единиц религиозно-экстремистских организаций. Этот принцип обеспечивает конспиративность и безопасность их деятельности. По мнению специалистов, наиболее широко подобная практика используется рядом крупных исламских экстремистских организаций, прежде всего «Аль-Каидой», а также экстремистскими структурами протестантского направления, особенно движениями «христианский патриотизм», «гражданская милиция» и др.

Государственная поддержка религиозного терроризма является распространенной практикой в деятельности целого ряда иностранных государств, стремящихся использовать террористические формы и методы борьбы для реализации их внешнеполитических целей. Применение в этом аспекте именно структур религиозного терроризма является, по крайней мере, в современных условиях, преобладающей практикой в общей системе использования терроризма определенными государствами в их внешней политике. В этом принципе скрывается желание государств осуществлять силовое вмешательство во внутренние дела независимых государств во избежание осуждения подобных действий мировым сообществом. В последнее время такую политику применяют США и другие страны Запада в отношении Сирии (подразделение террористов на плохих и хороших, спонсирование террористических организаций).

Практика государственной поддержки террористических организаций рассматривается как активизация фактора международного терроризма, подрыва международной, региональной и национальной безопасности и является вопиющим нарушением международного права.

Религиозный терроризм относится к разновидностям политического терроризма в том случае, если он затрагивает основы политического строя, стремится к завоеванию государственной власти или изменению внутренней или внешней политики.

Рассмотрим некоторые особенности проявления религиозного терроризма в мире за последние годы [3].

Сегодня из наиболее известных террористических движений можно выделить ваххабитов, ливанскую шиитскую группу «Хезболлах», «Аль-Каида», группировка суннитских мусульман «Хамас» и др.

В основе учения группировки Хезболлах лежит положение о том, что ислам не только религия, но и политическая и социально-

экономическая система, которая стоит выше этнических или социальных противоречий. Из этого вытекают основные задачи группировки: отмена конфессиональной системы и преобразование Ливана в исламское государство, управляемое по законам шариата; сопротивление влиянию империализма и западного образа жизни; объединение приверженцев ислама во всем мире на основе фундаментализма; борьба с Израилем и освобождение от него Иерусалима и Палестины. Достижение главной цели — установление исламского господства во всем мире, требует установления исламского режима в Ливане, а это можно достигнуть, освободив Палестину от евреев. Поэтому, данная организация проводит террористические акты против Израиля.

Аль-Каида переводится как основа и своей целью группировка считает создание справедливых исламских государств, свободных от западного влияния; подготовку всемирной исламской революции; новый порядок без американцев, евреев, «крестоносцев» и вообще «неверных». Руководителем группировки до 2011 года считался Усама бен Ладен.

11 сентября 2001 года девятнадцать террористов, имеющих отношение к ультрарадикальной международной террористической организации «Аль-Каида», разделившись на четыре группы, захватили четыре рейсовых пассажирских авиалайнера в США. Террористы направили два из этих лайнеров в башни Всемирного торгового центра, расположенных в южной части Манхэттена в Нью-Йорке. В результате этого обе башни обрушились, вызвав серьезные разрушения прилегающих строений. Третий самолет был направлен террористами в здание Пентагона, расположенного недалеко от Вашингтона. Пассажиры и команда четвертого авиалайнера попытались перехватить управление самолетом у террористов, лайнер упал в поле около города Шенксвилл в штате Пенсильвания. Жертвами терактов стали 2973 человека, в том числе 343 пожарных и 60 полицейских. В сентябре 2006 года президент США Джордж Буш младший сообщил, что ущерб от терактов 11 сентября 2001 года составил для США по самой низкой оценке 500 миллиардов долларов. Этот теракт спровоцировал рост напряженности во взаимоотношениях Запада и мусульманского мира, так как теракты были совершены исламскими фундаменталистами, все террористы-смертники являлись арабами, а «Аль-Каида» позиционирует свою деятельность как джихад, священную войну мусульман против неверных. После него мусульман стали воспринимать как потенциальных террористов, не вникая в их конфессиональную принадлежность к тому или иному течению ислама.

7 июля 2005 года в Лондоне (Великобритания) в утренний час пик произошла серия взрывов: один за другим сработали четыре взрывных устройства на центральных станциях лондонского метро («Кингс-кросс», «Эджвэр-роуд» и «Олдгейт») и в двухэтажном автобусе на площади Тависток-сквер. Совершенные четырьмя террористами-смертниками взрывы унесли жизни 52 пассажиров, еще 700 человек получили ранения и травмы. Теракты вошли в историю под названием «7/7». Исполнителями «терактов 7/7» стали четверо мужчин в возрасте от 18 до 30 лет. Трое из них родились и выросли в пакистанских семьях в Великобритании, а четвертый был жившим в Британии уроженцем Ямайки (входит в британское Содружество). Все исполнители терактов либо прошли подготовку в лагерях «Аль-Каиды» в Пакистане, либо посещали собрания радикальных мусульман, где проповедовались идеи мученичества в войне ислама против западной цивилизации.

26 ноября 2008 года вооруженные автоматами и гранатами террористы предприняли серию атак в ряде районов индийского города Мумбаи — у гостиниц, на железнодорожном вокзале, у кинотеатра, городской больницы, жилым кварталом. По официальным данным, десять террористов, часть которых приплыла в город на лодках, после устроенной в городе кровавой бойни захватили заложников в двух фешенебельных гостиницах «Тадж-Махал» и «Оберой», а также в еврейском центре. Операция по их уничтожению продолжалась более двух суток. Официальный представитель правительства Индии заявил о 174 погибших, 239 человек получили ранения. В случае с этим терактом угроза терроризма для Индии проявилась как часть глобальной угрозы международного исламистского терроризма, ставшего остро актуальным после известных событий 11 сентября 2001 г. в США. Организаторами террористического акта стали ранее неизвестная группировка «ДакканМуджахеддин» (название которой можно перевести с урду как «Борцы за веру Даккана»), причисляемая к террористической организации «Аль-Каида». Эта группировка, по всей видимости, принадлежит к одной из разбросанных по всему миру ячеек «Аль-Каиды» или движению «Талибан», тесно связанных с террористами, действующими на территории индийского штата Джамму и Кашмир и принадлежащими к так называемому исламорадикализму.

29 марта 2010 года в 07.57 взрыв раздался на станции московского метро «Лубянка» во втором вагоне поезда «Красная стрела». В 08.37 второй взрыв произошел в третьем вагоне поезда, прибывшем на второй путь станции «Парк Культуры» Сокольнической

линии. Взрывные устройства были закреплены на террористках-смертницах. По данным силовых структур, на станции «Лубянка» подорвала себя уроженка Дагестана Мариам Шарипова 1982 года рождения. Второй взрыв (на станции «Парк Культуры») совершила также уроженка Дагестана Джанет Абдурахманова (Абдуллаева) 1992 года рождения. Непосредственно в результате обоих взрывов на месте погибли 36 человек, из них 24 — на станции метро «Лубянка», и 12 — на станции метро «Парк Культуры». В последующие дни в больницах скончалось еще четыре человека. Около 160 человек пострадали. 21 августа источник в силовых структурах Северо-Кавказского федерального округа сообщил, что сотрудники ФСБ России уничтожили в Дагестане главаря дагестанских боевиков Магомедали Вагабова — организатора терактов в московском метро. Он являлся одним из лидеров террористического ваххабитского подполья в России.

22 сентября 2013 года произошёл кровавый теракт против представителей христианского меньшинства. При взрыве у христианской церкви в городе Пешавар на северо-западе Пакистана погибли не менее 70 человек. Два террориста-смертника подорвали себя в толпе верующих после воскресной службы в христианском храме Пешавара, главного города северо-западного региона страны, который считается бастионом исламистов Аль-Каиды и движения Талибан. На северо-западе Пакистана с 2007 года было совершено огромное число терактов, в которых погибло — по примерным данным — более 6000 человек. Христиане составляют 2% населения Пакистана, в котором проживает 180 миллионов человек (95% из них — мусульмане). Пакистанская христианская община постоянно подвергается социальной дискриминации.

В связи с возрастанием напряжения из-за событий «арабской весны» возросло количество террористических актов на территории стран Ближнего Востока и Северной Африки. В субботу, 10 августа 2013, в Багдаде и других городах Ирака, прогремела очередная серия взрывов. На воздух взлетели 12 заминированных автомобилей, в результате чего погибли, по последним данным, более 60 человек и около 200 получили ранения. Ответственность взяла на себя террористическая группировка «Исламское государство Ирака и Шама», связанная с «Аль-Каидой» и активно действующая на территории Сирии. В апреле 2013 года боевики «Аль-Каиды» на волне протеста суннитов против шиитского руководства Ирака попытались развязать в стране полномасштабную гражданскую войну, но очаги сопротивления были быстро подавлены иракскими силами безопасности. Тем не менее, экстремисты создали

в Ираке режим постоянного, непрекращающегося террора. Взрывы и вооруженные нападения здесь происходят практически ежедневно. По данным ООН, в общей сложности 1057 иракцев погибли и 2326 получили ранения в терактах в июле. Всего в 2013 году в Ираке от терактов погибли уже более 4000 тысяч человек.

Это лишь немногие факты, но и они позволяют сделать вывод, что религиозный терроризм в мире является наиболее острой угрозой международной и национальной безопасности многих стран мира. Присутствующие в мире тенденции — рост численности террористических организаций, стремление этих структур к обладанию средствами массового уничтожения, появление новых векторов развития религиозного терроризма — будут усилить существующую угрозу, при отсутствии необходимого противодействия. Современные особенности развития этого направления терроризма требуют нового подхода в деле совершенствования борьбы с ним на международном уровне обеспечения безопасности стран мира. Для борьбы с всеобщей угрозой необходимо объединение усилий всех государственных и общественных структур, ветвей власти, средств массовой информации. Нужно выработать стратегию борьбы с терроризмом. Только в этом случае ситуация может измениться.

Библиографический список

1. Терроризм и религия Российская академия наук. М.: Наука, 2005. — 199 с. — ISBN 5-02-033829-8.
2. Этничность и религия в современных конфликтах. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; РАН. — М.: Наука, 2012. — 653 с. — ISBN 978-5-02-037653-3.
3. Лекции по террорологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.mylect.ru> (дата обращения: 31. 01. 2016).

Швабский В.Л.

**К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С.ПУШКИНА**

**ОНИ СПАСЛИ СЕРДЦЕ РОССИИ
(О МАЛОИЗВЕСТНЫХ ФАКТАХ СПАСЕНИЯ
ПУШКИНСКИХ ГОР И РАЗМИНИРОВАНИИ
ТЕРРИТОРИИ ПУШКИНСКОГО
ЗАПОВЕДНИКА)**

ШВАБСКИЙ Владимир Леонидович — военный историограф, член Военно-Научного общества при Центральном Доме Российской Армии (ЦДРА) имени М.В. Фрунзе, член литературного объединения имени Героя Советского Союза, писателя В.В. Карпова при военно-художественной студии писателей ЦДРА, лауреат премии Союза-Чернобыль-России «Патриотизм и верность долгу», член Союза писателей России, полковник в отставке, chvl44@mail.ru

«Кто бывал в дорогой для каждого русского «псковской глуши», тот знает, что там каждая пядь земли воскрешала облик Пушкина, вызывала в памяти отрывки его произведений, воспоминания о нем его современников».

М.А. Гаррис (Новикова),
«Уголок Пушкина», 1923 г.

На отрогах Валдайской возвышенности, среди раскинувшихся лесов и лугов, озер и рек, в 120 км к югу от Пскова, расположился Пушкинский Заповедник, с бывшими усадьбами: Михайловское, Тригорское, Петровское, а так же Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь с могилой поэта в поселке Пушкинские Горы. Написано немало замечательных страниц об этих удивительных местах, мы же остановимся на повествовании лишь на одной из них — летописи спасения Пушкинских мест в годы лихолетья, в июле 1944 года.

«ИЛЬ РУССКИЙ ОТ ПОБЕД ОТВЫК...»?

Как известно, Пушкинский Заповедник был освобожден ровно через три года после его оккупации — 12 июля 1944 года войсками 54-й армии 3-го Прибалтийского фронта в ходе Псковско-Островской операции, а поселок Пушкинские Горы — 72-м стрелковым полком 321-й стрелковой дивизии 111 стрелкового корпуса с приданными ей частями усиления. Опустим подробности освобождения Пушкинского Заповедника: они хорошо изложены в исторических документах. Давно поставлены точки и над тем, кто и когда освобождал святые для каждого русского места. Напомним лишь одно, что в целях спасения от мощного взрыва Синичьей горы в Святогорском монастыре, на которой находится некрополь Ганнибалов — Пушкиных, была выслана разведка во главе с капитаном А.А.Новиковым. Разведчики успешно справились с поставленной задачей, и они же провели первое разминирование могилы А.С.Пушкина.

В соответствии с распоряжением штаба инженерных войск 3-го Прибалтийского фронта инженерное обеспечение наступательной операции войск 54-й армии, в том числе и 111-го стрелкового корпуса, в который входила 321-я стрелковая дивизия, было возложено на саперов 12-й инженерно-саперной бригады РВГ.

Саперы бригады построили мост через реку Великую под нагрузку 60 тонн у дер. Уляшино, отремонтировали старый мост, в районе Пушкинских Гор построили и улучшили дороги для прохода войск и техники к переднему краю общей протяженностью 100 км. Саперы бригады сопровождали танковые и самоходные полки в бою (511 ОТПП, 33 гв.ТП; 768 сап, 1433 САП), обеспечивая продвижение их через реки, болота, овраги, минные поля и фугасы.

В оперативных донесениях бригады приводятся примеры боевых действий саперов бригады, проявленную при этом мужество, героизм и находчивость при выполнении возложенных на них задач. Там же отмечено, что, несмотря на большое наличие минных полей и фугасов, саперы бригады не допустили случаев подрыва танков на минных полях.

Были на бригаду возложены и другие задачи, в частности, проверка на мины и проведение необходимого ремонта дорог-маршрутов движения войск в районе Пушкинского Заповедника.

Так за четыре дня с 12 по 16 июля саперами бригады были разминированы многие дороги, среди них: Алтун — Пушкинские Горы, где на проезжей части обезврежено 7 фугасов по 1000 кг каждый

и 124 мин; Крылово — Пушкинские Горы обнаружено 5 минных полей и снято 160 мин; Пушкинские Горы — Михайловское обезврежено 2 фугаса и разминированы штабеля лесоматериалов у дороги в Михайловский лес; Пушкинские Горы — Кирпичный завод снято 20 мин; Пушкинские Горы — Перепечино обезврежено 10 фугасов по 100–150 кг каждый.

За это время саперами бригады произведено разминирование самого поселка Пушкинские Горы, где сделаны объезды в местах огромных воронок от взрывов фугасов.

При выполнении боевых заданий на территории Пушкиногорского района бригада понесла потери убитыми 18 человек и ранеными 31 человек, в т.ч. 9 человек убитыми в пос. Пушкинские Горы.

Из выше указанного видно, что саперы бригады обеспечивали наступательные операции войск 54-й армии на территории Пушкинского Заповедника и приняли непосредственное участие в боях по его освобождению, что подтверждается документами Центрального архива МО РФ (ф.410, оп.10146, д.90, л.171–185; ф.12 исбр, оп.2277202, д.2, лл.4-14; оп.38121, д.2, лл.70,95,108,109,115–127,136,138,140).

ИНЖЕНЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

Из архивных документов видно, что в соответствии с распоряжением штаба инженерных войск 3-го Прибалтийского фронта и начальника инженерных войск 54-й армии ряд саперных частей и соединений занимались разминированием Пушкинского Заповедника.

Частичное разминирование территории провели саперы 321 СД — это разминирование отдельных встреченных мин, проделывание проходов в минных полях на пути движения наших войск при наступлении.

Однако во всех просмотренных документах за июль–август 1944 года, как 321 СД, а также в документах 72 СП и 253 САПБАТ дивизии нет упоминания о разминировании Пушкинского Заповедника и прилегающей территории Святогорского монастыря и могилы поэта, а только упоминание о том, что противник, отступая, взорвал все мосты и заминировал поселок Пушкинские Горы и имеющиеся блиндажи и постройки. (ф.321СД, ОП.88698-С, д.1, л.3; оп.205589-с, д.1, л.3, лл.3,87,88,90–105).

Вполне понятно и то, что саперным подразделениям дивизии не было возможности проводить разминирование, т.к. они двигались в боевых порядках пехоты — стрелковых подразделений. И

днем 12 июля, в день освобождения Заповедника, были уже в 3-5 км к западу от него, где вели бои с противником.

На основании документов, хранящихся в Центральном архиве МО РФ (г. Подольск) видно, что в разминировании Пушкинского Заповедника в июле 1944 года принимали участие инженерно-саперные подразделения: 12 и 24 инженерно-саперных бригад, 9 штурмовой инженерно-саперной бригады и 62 отдельного батальона собак-миноискателей.

Выше уже говорилось о том, какие задачи выполняла 12-я инженерно-саперная бригада РВГ (командир бригады инженер-полковник С.А. Половнев). 12-16 июля 1944 года подразделения бригады обеспечивали в инженерном отношении наступательные действия войск 54-й армии, в том числе за эти дни произвели разминирование дорог-маршрутов движения войск на территории Заповедника и района, были проделаны и обозначены проходы в минных полях. Так, 156 инженерно-саперный батальон (ИСБ) бригады разминировал дороги и при этом обнаружил и обезвредил 12 фугасов и 118 мин (ф.12 исбр., оп.277202, д.2, л.7; оп.38121, д.2, лл.113,136,140).

Саперные подразделения 154 ИСБ, сопровождавшие танковые и самоходные полки, в бою проделывали проходы в минных полях, сняв при этом и обезвредив 6 фугасов и 412 мин (ф.12 исбр., оп.06696, д.3, лл.33–35,77–79; оп.38121, д.2, лл.108,109,126–133; оп.36416, д.2, л.90–91).

Саперы 157 ИСБ, за период с 13 по 16 июля 1944 года провели разминирование поселка Пушкинские Горы и участков прилегающих дорог (ф.12 исбр., оп.277202, д.2, л.7; оп.38121, д.2, л.86, 118–121).

Из оперативного донесения командира 157 ИСБ капитана А.П. Мелешенкова от 13.07.44 года: «...штаб батальона и личный состав 1 роты ровно в 10.00 часов 13.07.44 г. прибыл на новое место дислокации — Пушкинские Горы, что в 500-тах метрах юго-западнее монастыря, на западном берегу озера, движение через монастырь. По прибытию на место личный состав 1 роты в составе трех взводов приступил к разминированию города, в частности 1-й взвод старшего лейтенанта Кононова производит осмотр монастырского двора на наличие мин. По состоянию на 12.00 13.07.44 понтонный парк в сопровождении 2-й роты находится в пути к месту его дислокации — Пушкинские Горы».

Как показала инженерная разведка, отступая, фашисты заминировали не только могилу поэта, но и весь Святогорский холм. В нем был прорыт тоннель, начиненный тщательно замаскированными минами и авиационными бомбами по 100 кг каждая.

Командир 1-й роты 157 ИСБ капитан А.А.Казаков вспоминал: «Мы проводили разминирование Пушкинского Заповедника. Саперы разбирали кладку монастыря, на вид свежееуложенную. В стене оказался заряд тола весом 250 кг с часовым механизмом. Под половицей обнаружили противотанковую мину, потом еще одну. У могилы Пушкина обнаружили противотанковые мины с «сюрпризом». В верхней mine был установлен химический взрыватель, срабатывающий через определенное время, а под ней вторая мина со взрывателем натяжного действия».

Были там и другие хитрости, рассчитанные на взрыв, разрушения памятника и гибель саперов. Но эти хитрости наши саперы разгадали. Судьба не уберегла нам Пушкина, но на этот раз сохранила его могилу для потомков. Оккупанты хорошо знали, что, войдя в Пушкинские Горы, бойцы и офицеры Красной Армии и прежде всего, посетят могилу поэта, и поэтому немцы превратили ее в западню для патриотов. Но фашисты просчитались: их «сюрпризы» были разгаданы.

В оперативной сводке штаба 12 ИСБР №029 за 13.07.44г. указывается, что проведены разминирования поселка Пушкинские горы и прилегающих дорог. При этом были обнаружены новые, ранее неизвестные мины R.MI-43 в большом количестве (ф. 12 исбр., оп.60314-с, д.1, л.197).

СПРАВКА: противотанковая мина R.mi.-43 — мина противогусеничная, предназначена для выведения из строя колесной или гусеничной техники противника. Мина устанавливается вручную на грунт, в грунт, в снег. Мина может быть как необезвреживаемая, так и обезвреживаемая, а также — неизвлекаемая.

Тактико-технические характеристика мины: общий вес — 9,3 кг; масса ВВ — 4 кг; длина — 80 см; ширина — 9,5 см; высота — 8 см. Для мины требуется 2, 3 и 5 взрывателей. Незначительная неосторожность, невнимательность уже в стадии подготовки мины к установке может привести к взрыву, т. к. крайне чувствительна. Мины с такими типами взрывателей обезвреживать запрещено, они подлежат уничтожению на месте обнаружения.

Обнаружение таких мин с подобными взрывателями можно приравнять к игре в пьяном виде с голодной коброй. Но здесь мы имеем дело с двумя кобрами одновременно, которые, к тому же, прячутся под темным диваном.

«Надо отдать должное немцам,— вспоминал командир саперной роты 156 ИСБ 12 ИСБР К Капитан Ф.Н.Минеев,— это были хорошие мины, но секрет их наши саперы все-таки разгадали, хотя некоторым из них это стоило жизни».

ЖИЗНЬ ЗА ПУШКИНА

13 июля 1944 года примерно в 18.00 на территории Святогорского монастыря при попытке узнать «секрет» новой, неизвестной немецкой мины R.MI-43 произошел взрыв. Было ранено 23 сапера и убито 7. Позже еще двое скончались в госпитале. Расследованием установлено, что саперы 1-й роты 157 ИСБ (командир роты капитан А.А.Казакон) после ратного труда собрались на отдых и ужин возле озера в западной стороне монастыря. В этот день ими было обнаружено два минных поля с немецкими минами R.MI-43 в количестве 600 штук. На территории монастыря 1-м взводом этой роты (командир взвода старший лейтенант В.П.Кононов) обнаружено и снято еще более 100 мин, густо усеявших монастырский холм. В соборе в песке (доски с пола были сорваны) было снято 20 мин и в стене обнаружен фугас весом в 250 кг. Кроме того обезврежены 4 фугаса в полотне дороги весом 1000 кг каждый, в том числе фугас из авиабомб под полотном дороги непосредственно у монастыря на глубине 3–4 метра. 3 фугаса разминировали, а четвертый — взорвали. В качестве взрывателя фашисты установили часовой механизм на определенное время, а на поверхности над фугасом установили противотанковые мины. Это была уловка немцев, если мину обнаружат наши саперы, снимут и успокоятся, а фугас останется и потом взорвется в установленное время. НЕ ПРОШЛО! НАШЛИ И ОБЕЗВРЕДИЛИ!

В подкопе (тоннеле) с восточной стороны монастыря под могилой поэта обезврежен фугас, состоящий из 10 авиабомб по 100 кг каждая. Обнаруженный фугас мог снести с лица земли не только Собор, но и могилу поэта. Даже могилу А.С.Пушкина и его предков фашисты не пощадили заложив мины двойного действия с двумя взрывателями: химическим и натяжного типа. Даже в клумбе Братского корпуса были обнаружены и обезврежены 3 мины.

Не будем больше загружать читателя приведенными примерами работы саперов. Они впечатляют! Произошел взрыв: погибли люди!

По-разному можно относиться к случившемуся: с одной стороны, нарушена Инструкция по разминированию неизвестных взрывоопасных предметов, но с другой стороны, шла война, саперы с честью и мастерски выполнили свой долг, почетный долг по спасению святыни России — могилы великого поэта.

Как вспоминали участники этих событий, они с волнением встретили возложенную на них ответственную миссию — спасти монастырь и могилу великого поэта. Стремление было огромное,

и, несмотря на то, что встретились неизвестные, неизученные мины, стремление было одно: СПАСТИ ПУШКИНА! И пойти дальше, гнать фашистов со святой земли, очистить ее от поругания. Но произошло то, что произошло: ПОГИБЛИ ГЕРОИ, ОТДАВШИЕ СВОИ ЖИЗНИ ЗА ПУШКИНА.

По инициативе Петра Иосифовича Кудиша (проживающего сегодня в г. Кобленец, Германия) и автора этого материала полковника в отставке В.Л. Швабского, при самой активной финансовой и материальной помощи Совета ветеранов инженерных войск во главе с генерал-лейтенантом Николаем Георгиевичем Топилиным в дни празднования 70-летия освобождения Пушкиногорского района на территории Святогорского монастыря 11 июля 2014 года открыт Памятный знак погибшим Героям-саперам 12 ИСБР РВГ.

На Памятном знаке текст: «13 июля 1944 г. при разминировании Святогорского монастыря и могилы А.С.Пушкина погибли саперы 12-й Инженерной бригады РВГК:

Ст. сержант АКУЛОВ Н.О.	МОСКВА
Ст. сержант КАЗАКОВ М.А.	МОСКВА
Рядовой КОЗЛОВ Е.И.	ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛ.
Ст. сержант КОМБАРОВ И.А.	ТАМБОВСКАЯ ОБЛ.
Ст. лейтенант КОНОНОВ В.П.	АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛ.
Лейтенант ПОКИДОВ С.Е.	ТАМБОВСКАЯ ОБЛ.
Рядовой ТРАВИН И.Ф.	ИВАНОВСКАЯ ОБЛ.
Ефрейтор ТРЕНОВ В.С.	КОСТРОМСКАЯ ОБЛ.
Рядовой ЯРЦЕВ И.В.	ТАМБОВСКАЯ ОБЛ.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ!»

Всех погибших похоронили у стен монастыря в Пушкинских Горах. Все это сделано для того, чтобы память о героях-саперах не канула в лета, чтобы последующее поколение помнило: какой ценой завоевано счастье жить и трудиться на нашей земле, чтобы чтили и помнили наше великое прошлое. И еще раз подчеркну — эти люди ценой своей жизни спасли святыню для каждого русского человека.

В общей сложности саперами 12 ИСБР РВГ было обнаружено и обезврежено около 1 800 мин, 25 фугасов и 2 «сюрприза». А 14.07.44 г. прибывшими из штаба бригады капитаном И.М.Карповым и ефрейтором Розановым был «разгадан» секрет немецкой мины R.MI-43, инструкция по правилам обращения с ней была разослана по всем инженерным частям. (ф.12 исбр., оп.2277202, д.2, л.4–7 ; оп.60241, д.6, л.26).

Работая над материалами о разминировании Пушкинского Заповедника, я обнаружил исследовательский материал о событиях июля 1944 года, проведенный председателем Совета ветеранов 12 ИСБР, майором в отставке, участником освобождения и разминирования заповедника, командиром саперной роты 156 ИСБ Федором Николаевичем Минеевым. Материал хранится в научном архиве Пушкинского музея-заповедника «Михайловское» (дело №2431-н/а). В течение 5 лет (1971–1976 гг.) проводилась кропотливая исследовательская работа по сбору материалов об освобождении и разминировании Заповедника в июле 1944 года. Материал уникальный по своей значимости и правдивости. Материал является еще одним подтверждением того, что саперы 12 ИСБР РВГ ОДНИМИ ИЗ ПЕРВЫХ произвели частичное разминирование Пушкинского Заповедника, в т.ч. монастыря и могилы А.С.Пушкина.

А уже к 17.00 после группового подрыва саперов 12 ИСБР 13.07.44 г. на основании распоряжения начальника инженерных войск 54-й армии штабом 9-й штурмовой инженерно-саперной бригады (командир бригады генерал-майор Ф.С. Пошехонцев) была сформирована и направлена в Пушкинский Заповедник контрольная группа в составе 4-х офицеров, 12-ти сержантов, 47-ми рядовых и одного отделения вожатых с собаками-миноискателями под общим руководством капитана В.П.Наседкина «...с задачей проверки ранее разминированной территории и вновь обнаруженных объектов» (ф.410, оп.10146, д.91, л.176; д.94, оп.409).

Группой с 14 по 18 июля 1944 г. на территории Пушкинского Заповедника обнаружено и снято 755 мин, 3 фугаса, проверено 7 населенных пунктов (Михайловское, Воронич, Тригорское, Бугрово, Гайки, Пушкинские Горы, Савкина гора), где осмотрено 85 домов, 68 блиндажей и землянок. Осмотрено и частично огорожено 12 минных полей противника... Выполнив поставленную задачу, группа контроля и разминирования 9 ШТИСБР 18 июля 1944 г. была отозвана из Заповедника.

Из архивных документов 24-й инженерно-саперной бригады РВГ (командир бригады полковник Л.В.Попов): летом 1944 года она входила в состав 3-го Прибалтийского фронта и выполняла различные боевые задачи в интересах 1-й Ударной армии, а так же 67 и 42 армий этого фронта. В июле 1944 года батальоны бригады выполняли различные боевые задачи в полосе действий 1-й Ударной армии, затем сменившей ее 54-й армии, что севернее Пушкинских Гор на Островском направлении.

Только один инженерно-саперный батальон этой бригады 181-й ИСБ с 13 по 20 июля 1944года выполнял задачи в районе Пушкин-

ских Гор по строительству командного пункта для штаба 3-го Прибалтийского фронта. В соответствии с Боевым распоряжением штаба инженерных войск 3-го Прибалтийского фронта № 0760 от 13.07.44 г. для сплошного разминирования Пушкинского Заповедника был направлен 62-й отдельный батальон собак-миноискателей (командир батальона инженер-майор Е.Н. Пересащенко). Такие батальоны в соответствии с решением Ставки ВГК были созданы в конце 1943 года на каждом фронте.

СПРАВКА: за годы войны создано 23 батальона и 18 отдельных рот собак-миноискателей. Всего 67 частей и подразделений, что составляло 29,01 % от всех формирований военного собаководства. Всего было подготовлено и действовало на фронтах войны 5 752 собаки, что составляло 16,3 % от всех подготовленных собак для действующей армии и 6 016 специалистов минно-розыскной службы, 26,9 % от всех подготовленных специалистов военного собаководства.

Прибыв на территорию Пушкинского Заповедника 14 июля 1944 года, штаб 62 ОБСМ определил порядок выполнения предстоящих работ своим приказанием, в нем, в частности, указывалось: как командирам 1-й роты капитану Удавихину и 2-й роты старшему лейтенанту В.Т. Старчеусу организовать работы по разминированию. В последующем боевые задачи уточнялись и конкретизировались в районе Пушкинского Заповедника и прилегающей местности. (ф.410, оп.10146, д.106, л.405; ф.62 обсм, оп.193650, д.6, л.47–50).

За время работы обнаружено, снято, собрано и обезврежено 11 403 различных типов мин, 2 107 боеприпасов и 4 фугаса. Задача, поставленная 62 ОБСМ, выполнена полностью. Заповедник разминирован и очищен от взрывоопасных предметов (ф.62 обсм, оп.193649, д.4, л.58–61). Территория Заповедника по акту от 21 июля 1944 года передана администрации района.

В ОБЩЕЙ СЛОЖНОСТИ ЗА ВРЕМЯ РАБОТЫ ПО РАЗМИНИРОВАНИЮ Пушкинского Заповедника всеми инженерными частями с 12 июля по 22 июля 1944 года было обезврежено более 14 000 мин, 36 фугасов, 3 «сюрприза» и 2 107 взрывоопасных предметов.

В НАЗИДАНИЕ ПОТОМКАМ:

Воины инженерных войск, рискуя жизнью, спасли дорогую для каждого русского святыню России, над которой поглумились немецко-фашистские оккупанты.

Созданная Чрезвычайная Государственная комиссия под председательством Председателя Союза советских писателей Н.С. Ти-

хонова в течение 26 июля по 1 августа 1944 года всесторонне расследовала разрушения и злодеяния немецко-фашистских захватчиков в Пушкинском Заповеднике и установила, что немцы захватили, преднамеренно разрушили Пушкинский Заповедник Академии наук СССР.

Чудовищные злодеяния фашистских варваров записаны в акте Чрезвычайной Государственной комиссии. Газета «Правда» от 30 августа 1944 года в передовой статье «Злодеяния немецких извергов на могиле Пушкина писала: «Перед всем русским народом, перед всеми народами Советского Союза раскрылась страшная картина кощунственного надругательства, учиненного гитлеровскими захватчиками над святыней России, над могилой величайшего ее поэта, над местами, где жил и творил Пушкин. Гневом и скорбью полнится сердце русского человека».

Прошли годы, к 150-летию со дня рождения поэта Пушкинский музей-заповедник был полностью восстановлен в его довоенном облике. На открытии музея тогдашний Президент Академии наук СССР С.И. Вавилов сказал слова, которые актуальны и сегодня в год 180-й годовщины со дня смерти А.С. Пушкина: «Никогда и нигде ни один народ не славил своих поэтов так, как славим мы Пушкина. Пушкин был и остается подлинно народным поэтом, самым народным русским поэтом, настоящим «эхом» русского народа, как он сам о себе говорил... Пушкин не перешел в разряд памятников прошлого, не стал уделом истории, его стихи и проза сильнее, чем прежде, влияют на нашу жизнь, они помогают формированию культурного сознания советского человека. Русские люди и все народы Советского Союза любят Пушкина, как поэта сегодняшнего дня, как близкого и прекрасного друга».

Закончить этот рассказ хотелось бы словами Маршала Советского Союза Г.К. Жукова из книги «Воспоминания и размышления: «Я убежден — время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну. Человек, переживший однажды большие испытания и победивший, будет всю жизнь, потом черпать силы в этой Победе. Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить тех, кто не щадил себя для Победы над врагом нашей Родины».

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМИ ПИ

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Российский государственный университет нефти и газа

им. И.М. Губкина

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел./факс: (495) 938 58 43

e-mail: sigarevae@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU; WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 20.03.2017

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

6,875 усл. п.л.

